

Виктор Каради

СТРАТЕГИИ ПОВЫШЕНИЯ СТАТУСА СОЦИОЛОГИИ ШКОЛОЙ ЭМИЛЯ ДЮРКГЕЙМА *

В статье показаны стратегии членов Социологической школы, желавших добиться успеха в своей университетской и исследовательской деятельности и гарантировать развитие новой дисциплины — социологии. Их усилия могут быть классифицированы в соответствии с видами легитимности, к которой они стремились: университетской, академической и научной. Основная стратегия Дюркгейма состояла в завоевании университетской легитимности и была направлена на интегрирование социологии в философские учебные программы. Немаловажную роль в признании социологии играло то, что она могла принести пользу классическим дисциплинам (истории, географии и др.). Дополнительной характеристикой стратегии Дюркгейма был отказ от присоединения к профессиональным социологическим обществам и поиск признания в философских кругах.

This article presents some aspects of the attempts the members of the Ecole sociologique made to succeed in their university and research careers and to assure that the fledgling discipline of sociology would have a future. Their efforts may be classified according to the kind of legitimacy — university, academic, or scientific — they could aspire to. The basic Durkheimian strategy was directed at the university, and aimed to integrate sociology onto the program of philosophy teaching. It also counted upon the services sociology could render to other classical disciplines (history, geography, etc.). Refusal to join professional societies of sociologists and the quest for recognition in philosophical circles were an adjunct to this strategy.

Общественные успехи и поражения социологии Эмиля Дюркгейма, как и любой другой эпистемологической инновации, обусловлены уникальным сочетанием более или менее благоприятных условий социальной рецепции и более или менее сознательных усилий по профессиональному самопродвижению. Этим заключением здравого смысла мы предваряем опыт, посвященный анализу интеллектуального проекта и научного подхода Школы

* Karady V. Stratégies de réussite et modes de faire-valoir de la sociologie chez les durkheimiens // Revue française de sociologie. 1979. Vol. XX. № 1. P. 49–82.

©Karady V., 1979

социологии. Его цель — раскрыть логику, в соответствии с которой соратники Э. Дюркгейма прилагали усилия и в какой-то мере достигли «прорыва» в поле, где их шансы на успех были откровенно слабыми.

Чтобы привести проблему к ее простейшему виду, можно эмпирически выделить несколько механизмов успеха, которые соответствуют типам легитимности, способным обеспечить статус новой дисциплины или нововведения в рамках некоторого направления исследований при устоявшейся системе интеллектуальных иерархий. К ним относятся: преимущества или легитимность институционального типа, собственно научная легитимность и, наконец, легитимность социальная, т. е. внешняя по отношению к интеллектуальному полю. Понятие легитимности здесь будет использоваться лишь в силу его операциональности. Это единственный общий знаменатель для целей, на которые были направлены стратегии и усилия по профессиональному продвижению, прилагавшиеся Школой социологии. Мы не будем конструировать из этого теорию, которая уже была успешно представлена лучшими авторами [1, р. 134–138]. Хотя некоторые простые определения все же потребуются, чтобы утверждения сохранили свою описательную силу.

Институциональной легитимностью мы будем называть признание, которым институты, расположенные на вершине социально организованной иерархии признания, внушения, производства и воспроизводства, сохранения и распространения знания, наделяют образование, претендующее на статус научного. Данная легитимность сама имеет две основных формы. Одна связана с официальным образованием (факультеты университетов, высшие школы* и т. п.), а вторая зависит от академических инстанций (Французская академия, национальные научные общества и т. п.). Это позволяет отделить *университетскую легитимность* науки от ее *академической легитимности*. Данное различие полезно для анализа некоторых состояний интеллектуального поля, например, преобладавшего в XIX в. Получить признание этих институтов в любой форме (преподавательского поста, академической премии, членства в ассоциациях и т. д.) было наиболее верным средством для научной школы продлить собственное существование, получив инструменты «рекламы» (в широком смысле), способные не только продемонстрировать «признанный» статус (являющийся властной позицией), но также и навязать конкурирующим школам выбор анализируемых проблем.

Собственно научная легитимность — научное мнение, взятое как целое, безотносительно к тому, выражается оно или нет через институты. Это неовещественная или нематериализованная форма [социального] статуса, который часто изменяется независимо, или с большим разрывом во времени, от признания, даруемого институтами.

Социальная легитимность тоже может принимать разные формы. Дело в том, что существуют различные группы давления, институты власти, салоны, органы прессы, профсоюзы и т. п., склонные вмешиваться в распространение, популяризацию, финансирование и другие способы продвижения нового знания вне институтов науки и ее *establishment'a*. Социальная легитимность чаще всего проявляется в виде общественного спроса на исследования и фундаментальные знания, спроса, иногда принимающего вид институтов частного или кооперативного типа.

Само собой разумеется, что действия различных инстанций легитимации частично зависят друг от друга. И в тоже время они обладают определенной автономией, которая ограничивается другими инстанциями.

* Высшие школы — престижные высшие учебные заведения Франции, существенно отличающиеся от факультетов университетов по способу приема студентов, условиям обучения, качеству диплома и т. п. — *Прим. перев.*

Так, Университет в своей политике создания учебных предметов обладает правом законоотворчества только при опоре на научную легитимность предполагаемого учебного курса — легитимность его содержания и легитимность того ученого, который будет его преподавать. Эта политика подчинена мнению министерства, выступающего в данном случае выразителем желания и политической воли создать интересующий предмет. Вместе с тем, престиж, которым обладает научное направление или новая область исследования среди студенческой и образованной публики, никогда не бывает независимым от институциональных позиций, занимаемых их авторами. Покровительство буржуазных парижских салонов или министерских кабинетов в отношении того или иного предмета или ученого стимулирует или усиливает внимание титулованных специалистов к новому научному подходу. В то же время, «широкая интеллектуальная публика» часто получает и отражает только отрывки новых знаний или суждения о них, выработанные, признанные и легитимированные в других «инстанциях». В силу этого «социальный запрос», с которым обращаются к новой дисциплине или новой интеллектуальной моде, всего лишь дублирует уже удовлетворенный научный спрос.

Рассматриваемые типы легитимности всегда соответствуют специфическому спросу на знание. Удовлетворение этого спроса представляет собой основной способ получения дивидендов от любой инновации в науке. По этой причине стратегия успеха, реализуемая претендентами на позиции, которыми располагает рынок интеллектуальной компетенции, лишь подчиняется требованиям, содержащимся в этих позициях, и перестает работать на трансформацию рынка, т. е. на изменение в свою пользу спроса на востребованную на рынке компетенцию. Мы постараемся перечислить некоторые элементы этой стратегии, явным образом исключая два момента, связанных с обстоятельствами написания этого текста. Во-первых, мы не сможем рассмотреть проблему социальной легитимации социологии Э. Дюркгейма и такой важный момент ее научной легитимации, как создание и поддержание связей с другими социальными дисциплинами. Два этих важных вопроса будут проанализированы в другом исследовании. Во-вторых, в настоящей работе невозможно дать подробный анализ социологически значимой системы отношений между различными типами легитимности, который только и мог бы полностью прояснить логику ее функционирования.

1. Королевский путь к успеху: университетская легитимность

Дюркгеймианцы являлись в прямом смысле слова университетской группой. Рекрутирование ее членов ограничивалось обладателями наиболее престижных признаков гуманитарных факультетов* (агреже**, доктор, выпускник Высшей нормальной школы), а также, хотя и в меньшей мере, выпускниками или преподавателями права или школ гуманитарной направленности (Школы архивов, IV и V Секций Школы высших исследований, Коллеж де Франс) [2, р. 95. Таблица 9]. Проблема, с которой они столкнулись, формулируется легко. Хотя дюркгеймианцы принадлежали к университетскому полю, ни один из представляемых ими институтов на момент формирования группы не включал в свои *постоянные* программы социологию, от имени которой они выступали, и уж тем более «новую доктрину», служившую им объединительным принципом.

* Во французском варианте используется словосочетание *«facultés des lettres»*, которое на русский язык часто переводится как «филологические факультеты». Подобный перевод в рамках данного текста нам представляется некорректным, т. к. у нас за этим понятием закреплено более узкое значение, чем во Франции. Во французском понятие «филологические факультеты» объединяет в себе факультеты истории, географии, философии и филологии, что в русском языке больше соответствует понятию «гуманитарных факультетов». Именно это словосочетание мы будем использовать в данном переводе. — *Прим. перев.*

** Агреже — престижное звание, присуждаемое после прохождения конкурса (*agrégation*), позволяющего преподавать в лицах и на некоторых факультетах университетов (права, экономики, медицины, фармакологии). — *Прим. перев.*

На первый взгляд, универсальность этого утверждения можно немедленно оспорить, указав на существование курса по социальным наукам на гуманитарном факультете Университета Бордо, который проводился самим Дюркгеймом с 1887 г. К этому можно прибавить несколько более или менее схожих курсов, постепенно введенных на других гуманитарных факультетах, что доводит число прасоциологических курсов (поскольку они все еще по-разному именуются и воспринимаются) до трех в 1895 году (включая кафедру «социальной экономики» Эпинаса [3, р. 83–112] в Сорбонне, существовавшую благодаря частному фонду, и дополнительный курс «этнологии», читавшийся Шантром в Лионе). К 1910 г. на факультетах университетов их число достигает четырех. Еще пять аналогичных курсов было в школах эрудиции*. Однако, в действительности, это относительно раннее включение социологии в университетскую систему в виде факультативных курсов и образования, которое не предусматривало диплома, практически не играло никакой роли в Университете. Сам Дюркгейм посвящает себя педагогике в той же мере или даже в большей, что и своей специальности, и вынужден обращаться к вопросам, относящимся к программе конкурса агреже по философии, чтобы доказать свою университетскую полезность. Во второй половине бордосского периода (1893–1902) социологическое преподавание составляет у Дюркгейма примерно треть его официальной деятельности**.

Если к концу XIX в. социология занимает в Университете совсем маргинальную позицию, то дюркгеймианцы располагают средствами, чтобы исправить положение, по крайней мере, благодаря двум факторам, из которых один относится к общей ситуации, а другой — к позиции самой группы в Университете. Во-первых, в этот момент происходит полная реформа системы факультетов. Она касалась расширения программ обучения и интеграции прежде игнорируемых дисциплин. В этой связи гуманитарные факультеты оказываются открытыми в двух направлениях. С одной стороны, в сторону специальностей, возникших в лоне классических дисциплин (например, внутри некогда единых исторических и географических исследований сначала выделяется преподавание географических дисциплин, а затем вычленяются темы, различающиеся хронологически или территориально). С другой стороны, в направлении новых дисциплин, к каковым относятся зарождающиеся социальные науки [5, р. 270 sq.]. Мы не можем проанализировать здесь все условия этих изменений. Необходимо только отметить, что университетская конъюнктура была особенно благоприятна для социологии, прежде всего благодаря конкуренции, в которую вступили некоторые частные или полугосударственные школы эрудиции***, зачастую с открытой целью монополизировать «социальное» образование в пику намерениям университетских кругов. Факультеты, осознавшие в течение XIX в. реальную стоимость отставания от поля интеллектуального производства, в своей попытке модернизироваться стремились включить максимальное число специальностей, рожденных и иногда получивших признание независимо от них. Это было возможно при условии интеграции этих дисциплин в существующий режим преподавания, дабы не поставить под угрозу знаменитое «единство

* Школы эрудиции — высшие учебные заведения Франции, целью которых была подготовка специалистов для научных исследований (эрудитов) и развитие науки. К ним относились Коллеж де Франс, Школа восточных языков и восточной цивилизации, Национальная школа Хартий и др. С этой точки зрения они противопоставлялись факультетам университетов и лицеям, целью которых была не исследовательская деятельность, а подготовка преподавателей и представителей либеральных профессий, таких, как адвокаты, врачи, теологи. — *Прим. перев.*

** Список курсов, читавшихся Дюркгеймом смотри в: [4, р. 617–619].

*** Первой и, естественно, наиболее значимой среди них была *Свободная школа политических наук*, основанная вскоре после поражения 1871 г. За ней в течение 1890–1900 гг. последует целая серия частных курсов и «колледжей».

Университета» и не вызвать радикальной реорганизации всей структуры факультетов, способной взорвать устоявшиеся иерархии.

Чтобы понять этот важнейший аспект университетских реформ и узкие границы, в которых могла происходить интеграция новых образовательных дисциплин, не стоит недооценивать значение уже достигнутых прав, гарантированных позиций и других преимуществ «за выслугу лет», выражавших корпоративные интересы «стариков». Эти интересы состояли в том, чтобы позволить лишь те преобразования, которые не вынуждали бы их к изменениям и сохраняли их господство. Речь идет о сохранении статусного приоритета, т. е. университетского ранга преподавателей некоторых дисциплин. Не менее важно воспроизводство символического приоритета, т. е. места, отведенного дисциплине в иерархии дисциплин. Можно указать на интерес «стариков» к удержанию «демографического» приоритета (т. е. числа и качества студентов, привлеченных дисциплиной), а также финансового приоритета (распределения преподавательских ставок по кафедрам, финансирования исследований, пополнения библиотечных фондов, оплаты экспедиций и т. п.). Основной ставкой тематического обновления Университета был порядок, как материальный, так и нематериальный, поскольку новые дисциплины могли не только отнять у классических дисциплин часть их обычной публики, но и в силу своей современности, создавали угрозу, что последние будут отнесены к разряду интеллектуального антиквариата. Именно в этой логике скрытой конкуренции, противопоставлявшей классические и новые дисциплины, а также заслуженных профессоров и новичков, можно интерпретировать технические ограничения, поставленные с самого начала на пути тематического расширения факультетов. Предпочтение всегда отдавалось специализации в рамках классических дисциплин, а новым областям предоставлялись дополнительные и свободные курсы или, того хуже, отдельные кафедры, что объективно обрекало их на маргинальность. Практической ставкой всегда оставался контроль дипломов, особенно главного и необходимого, допускавшего наилучшую карьеру, т. е. диплома агреже. Тот, кто проводит конкурс на звание агреже (возглавляет жюри, участвует в нем или составляет программы), тот владеет Университетом, поскольку он сохраняет власть над воспроизводством университетского корпуса. С этой точки зрения, преподаватели классических дисциплин никогда по-настоящему не шли на жертвы.

Во-вторых, в момент этой довольно благоприятной для тематических инноваций университетской конъюнктуры, группа Дюркгейма обладала всеми достоинствами и козырями, необходимыми, чтобы святая святых гуманитарных факультетов Университета признала их и их вклад в науку. Дело в том, что они входили в квазистатусную гуманитарную элиту Университета, имели звание агреже и (или) являлись нормальными и (или) философами — этими тремя признаками доминирующей фракции *establishment'a*. Но их возможности реализовать наиболее удачную университетскую карьеру были связаны с профессиональной практикой совсем другой дисциплины, слабо предрасположенной уступить место социологии, которую они продвигали. Поэтому стратегия дюркгеймианцев состояла в том, чтобы использовать уже достигнутое положение в классических дисциплинах и изменить их преподавание (философии в первую очередь), создавая таким образом потребность в социологическом образовании и компетенции. Исторически первый тактический ход Дюркгейма в этом направлении был нацелен на поиск стабильной аудитории для своей дисциплины. Он показывал пользу своего курса социальных наук одновременно для философских, исторических или юридических исследований и в то же время объявлял полную эпистемологическую автономию и специфичность дисциплины, официальное преподавание которой он вводил на гуманитарном факультете. Идея Э. Дюркгейма и его соратников, что социология должна быть синтезирующей наукой, исходит не только из эвристических, но и практических намерений. Они хотели повысить интерес к социологии,

консолидировать отношения сотрудничества и обмена, способные связать ее с дисциплинами, принятыми на факультетах, и интегрировать ее в нормальную программу обучения.

В этой связи необходимо указать на усилия, предпринимавшиеся Дюркгеймом, чтобы избежать противопоставления социологии всем остальным классическим дисциплинам. В двух своих вводных курсах программного характера он старается продемонстрировать свою незаинтересованность в том, какое конкретное место его дисциплина занимает в университете, утверждая, что она представляет ценность для образования как философов, так и историков, и юристов. «Когда этот курс создавался, мы спрашивали себя, не место ли ему скорее на факультете права. Этот вопрос о месте имеет, я думаю, второстепенное значение» (Цит. по: [6, с. 196]). «...Но я еще раз настойчиво повторяю, что курс предназначен для этой тройственной категории студентов... Как вы знаете, факт включения этого курса в программу гуманитарного факультета оспаривался несколько раз, и факультет права не раз претендовал на него...» [7, р. 32]. «...Этот курс был размещен на гуманитарном факультете отнюдь не потому, что он адресован большому числу студентов этого факультета, поскольку, по общему мнению, он так же полезен и студентам факультета права. Я не считаю, что лишь нам принадлежит эксклюзивное право использования социологии. Наоборот, мне бы хотелось, чтобы подобные курсы читались и на других факультетах» [7, р. 33]. Выбор тем для курса в Бордо (семья, практическая мораль, самоубийство, социализм) отвечал намерению Дюркгейма привлечь максимум студентов разных профессий (т. е. не только «свободных» слушателей). Эту мысль подтверждает тот факт, что двойное образование, философское (звание агреже) и юридическо-экономическое (докторская степень или лицензиат*), полученное некоторыми наиболее активными членами Школы социологии (Симианом, Хальбваксом, Юбером Бурженом, Дави и др.), объективно являлось подготовкой к задачам, которые эти авторы будут выполнять в будущем разделении труда внутри группы. Оно также демонстрировало новую модель образования, которой должны были заняться непосредственно социальные науки. Речь идет об оригинальном профессиональном подходе, значение которого определяется тем, что впервые его разделяла группа молодых преподавателей университета. К тому же известно, что это образование было получено не только дюркгеймианцами. Авторы «Международного социологического журнала» во главе с Рене Вормсом, который одновременно делал как классическую юридическую карьеру (поверенный), так и социолого-философскую (доктор философии, преподаватель на гуманитарном факультете), реализовывали такую же стратегию. На горизонте этой идеи — теоретически согласовать и практически объединить в одном пространстве (даже подразумеваемая единая публика) гуманитарное, юридическое и экономическое образование — маячит неоднократно отвергавшийся проект факультета социальных наук, каким его представлял, например, Виктор Дюрюи в 1868 году (в виде V Секции Школы высших исследований), или проект, возобновленный современниками Дюркгейма, историком Фердинандом Ло [8, р. 369–371] или социологом Рене Вормсом [9, р. 936–953].

В любом случае, гипотетическое создание специфической программы обучения и независимых университетских институтов для преподавания социологии могли выступать для Дюркгейма и его коллег, в лучшем случае, только как долгосрочная цель. Их непосредственной целью должна была стать университетская философия, поскольку они были связаны в основном с карьерой философа-преподавателя. Лишь внутреннее изменение философских программ в университете, и, как следствие, в лицах могло создать систему спроса на социологическую компетенцию, предоставив многочисленные и стабильные

* Лицензиат — первая университетская степень, присуждаемая после двух, затем (с 1920 г.) трех лет обучения в высшем учебном заведении. — *Прим. перев.*

рабочие места. Это гарантировало бы молодым агреже Школы профессиональную траекторию, свободную от необходимости переподготовки или совмещения видов деятельности (например, преподавателя лица и социолога-исследователя)*. Эта теоретическая и вместе с тем практическая стратегия завоевания пространства в универсуме философии заключала в себе опасность для автономии социологии и чистоты ее образа в глазах широкой публики. Дюркгеймианцы всегда стремились сохранить специфичность и даже оппозиционность этого образа по отношению к философии, поскольку наука должна защищать себя от спекуляций, не базирующихся на объективистском методе. Дюркгейм и его приверженцы регулярно оспаривали дисциплинарное единство социальных наук и философии, но в то же время не менее регулярно взывали к университетской легитимности дисциплины, с которой были связаны, чтобы привлечь часть этой легитимности для поддержания социологии. Вскоре, в рассуждениях дюркгеймианцев о системе наук, социология из служебной и дополнительной по отношению к спекулятивной философии дисциплины превратилась в равноправного партнера и даже ее потенциального правопреемника. Кризис университетской философии того времени, выражавшийся в упадке спиритуализма, который оставил после себя пустоту, слабо или недостаточно заполненную кантианством лучших профессоров (Жюля Лано), рационализмом (Ренувьера) или «рациональным эмпиризмом» (Тэна), а также постоянно растущее влияние позитивной философии — от имени которой открыто выступала социология Дюркгейма, — предоставили интеллектуальные условия, необходимые для продвижения предложений и проектов реформы философского образования и дали разумные шансы на успех. К тому же весь проект Дюркгейма и его школы может быть интерпретирован как одна из основных попыток — за которой последовала попытка Бергсона — разрешить кризис университетской философии, путем изменения как ее спиритуалистской начинки, так и тематического содержания, допуская отныне постепенное замещение преподавателей, выросших в спиритуалистской традиции, новыми кадрами, ориентированными позитивистски или сциентистски, или хотя бы рационалистически, среди которых социологи могли бы занять значимое место.

Дюркгейм очень рано сформулировал ключевую идею (он повторит ее много раз и ее подхватят его ученики) о том, что социология необходима философии, и даже, что она составляет как минимум часть того, что будет служить основанием философии будущего. В своей первой вступительной лекции в университете Бордо, обращаясь к студентам-философам (чтобы доказать им пользу своего курса), он утверждает, что все самое главное в классической философии зависит от феноменов двух видов «одни из которых относятся к индивидуальному сознанию, другие — к сознанию общества». Он строит явно заинтересованную интерпретацию последующей эволюции: «Философия находится в процессе разделения на две группы позитивных наук: психологию, с одной стороны, и социологию — с другой. Именно к социальной науке относятся, в частности, проблемы, которые до сих пор принадлежали исключительно философской этике. Мы вновь обратимся к их изучению. Мораль составляет ту часть социологии, которая привлекает нас даже больше всего и которой мы займемся прежде всего. Только мы попытаемся толковать ее научно» (Цит. по: [6, с. 194]). В более поздней статье Дюркгейм идет еще дальше и ставит способность к обновлению общей философии и даже метафизики в зависимость от точки зрения на объекты исследования, которую ей дает социология, утверждая при этом полную автономию последней: «Поскольку мы стремились с помощью метода освободить социологию от покровительства философии, которая могла лишь помешать ее становлению как позитивной науки, нас иногда подозревали в систематической враждебности к

* Как это можно наблюдать на примере карьеры Юбера Буржена, начала карьеры Хальбвакса и многих других.

философии вообще... Нам приписывалось очень несоциологическая установка... Неприемлемо, чтобы метафизические проблемы, даже самые дерзкие, волновавшие философов, могли бы когда-нибудь оказаться забытыми. Но так же верно и то, что они нуждаются в обновлении. И мы считаем, что именно социология, более любой другой науки, может внести свой вклад в это обновление» [10, p. 186].

Фоконне и Мосс менее тактичны и с неосторожностью, которая, быть может, указывает на их относительную профессиональную и позиционную удаленность от университетской философии, уже противопоставляют социологию предпосылкам философов. Размышляя о различных аспектах своей науки, они заботятся о том, чтобы быть вровень с философией: «Все метафизические традиции, делающие из человека существо особого рода, вне природы, и усматривающие в его действиях факты, абсолютно отличающиеся от фактов природы, сопротивляются прогрессу социологического мышления. Но социолог не обязан обосновывать свои исследования философскими аргументами... И если к тому же... научное исследование обществ требует другой концепции человеческой природы, то философия должна следовать за наукой, по мере того, как последняя достигает каких-то результатов» (См.: [11]). Много позже Мосс не постесняется провозгласить, что новая дисциплина не только не нуждается в философии, но обладает всеми шансами, чтобы со временем ее заменить: «Я даже скажу, что развитая антропология могла бы заменить философию, поскольку она содержит в себе именно ту историю человеческого духа, которую предполагает философия» [12, p. 127–128].

Эти вариации на тему об эпистемологическом первенстве и необходимой независимости социальной науки по отношению к философии, из которой она вышла, также работают на увеличение университетской легитимности социологии, представляя последнюю либо в виде философской «пропедевтики» [13, p. 187], либо еще более амбициозно — как простую замену обанкротившейся метафизики, способную решить ее проблемы с помощью своего научного метода. Стратегическая ставка инновационных проектов дюркгеймианцев состояла в том, чтобы сделать более научным образование преподавателей философии, особенно тех, кто проходил конкурс агреже («экзамен, который, что бы мы ни думали по этому поводу, еще надолго останется главным экзаменом наших гуманитарных факультетов» [14, p. 346]), поскольку это было выгодно для социальной науки и профессионалов в этой области. Итак, вместо того чтобы нападать на сами основы философского образования в лицеях, Дюркгейм делает из подготовки преподавателей философии свой главный козырь, чтобы укрепиться в качестве социолога в этой институционально неприступной крепости университетской системы. В статье о конкурсе агреже по философии, относящейся к общественным дебатам о пользе сохранения конкурса, который в какой-то момент оказался под угрозой, он прежде всего указывает на факты кризиса, свирепствовавшего в университетской философии. Философское образование, с самого начала тесно связанное с эклектизмом Кузена, в течение долгого времени могло извлекать пользу из своих важных социальных функций, выступая в качестве профессионально нейтрального унифицирующего учения национальных элит. Эта функция устарела вместе с упадком эклектизма при Второй империи и особенно в республиканский период. Кантианский рационализм (введенный во Франции самим Кузеном), конечно, способствовал усилению независимости философов от влияния государства. Однако, будучи лишенным какой бы то ни было «позитивной цели», он трансформировал образование в «интеллектуальную гимнастику». Именно кантианский рационализм сделал философскую практику в лицеях и на факультетах предрасположенной к «одной из форм символизма и импрессионизма», рискующего быстро превратиться в «неомистицизм», который представляет собой «господство произвола в интеллектуальных вопросах» — эту благодатную почву для «анархического дилетантизма», угроза которого возрастает. Источником необходимого, с точки зрения Дюркгейма, возрождения образования

должно было стать не навязывание новой доктрины, воплощенной в позитивизме, но его [образования] обновление благодаря вкладу позитивных наук. Эти два вида наук хорошо сочетаются с двумя важнейшими социальными функциями, о которых должно позаботиться новое философское образование. Знания, относящиеся к человеку, находились бы в компетенции психологии, которая, в свою очередь, будет служить лишь «пропедевтикой» для социологии, этому поистине краеугольному камню всего здания, которая должна обеспечить элитных студентов «социальной культурой». Этот аспект образования относился бы к практической морали. Другая важная часть курса, которую следовало подготовить, относилась к научной методологии, чье изучение, по мнению Дюркгейма, должно было максимально приблизиться к преподаванию точных наук в лицеях. Провозглашенная революция шла вразрез с ученой традицией (и должна была лишиться «наконец-то филологическую часть конкурса того превосходства, которым она пользуется в данный момент»), не задевая при этом устоявшиеся направления: «Мы стремимся не к тому, чтобы образование стало более позитивистским или эволюционистским, а к тому, чтобы в нем больше проявлялся дух науки» [15, p. 403–434].

В более позднем замечании о преподавании социологии Дюркгейм утверждает, что, с одной стороны, «преподаватель философии, получивший социологическую культуру, может рассматривать все социологические вопросы, к которым надлежит приобщить студентов». Но, с другой стороны, он не колеблясь требует постоянного компетентного присутствия социологии в философском образовании: «Я боюсь, как бы в этой программе не оставили для социологии слишком однозначно определенное место, потому что оно было бы слишком ограниченным; в действительности, социология должна присутствовать во всем философском образовании... Единственно полезная в данный момент реформа состояла бы в том, чтобы еще раз напомнить преподавателям... что они не должны абстрагироваться от социологического способа видения». Речь открыто идет о переводе этого университетского сектора под контроль социологов-философов... Фактически, в данном коротком тексте Дюркгейм не упускает случая указать — в качестве предложения явной услуги — что его курсы «практической морали» предполагают социологический анализ вопросов, входящих в программу по философии: «В действительности, к 1896 г. я начал курс “Общая физика права и нравов”, точно или почти точно совпадающий с классическими делениями курсов в лицеях...» [13, p. 51].

Очевидно, что программа Дюркгейма настолько же радикально нова (поскольку он исключает почти все, что составляло суть традиционного философского образования), насколько и благоприятна для полной интеграции социальных наук в учебную программу.

Чтобы в полной мере оценить это наступление на бастион гуманитарного образования, следует учесть, что предложения о содействии, сделанные (упомянутыми выше) юридическими факультетами, регулярно отклонялись дюркгеймианцами. Причиной тому были как идеологическая и научная несовместимость «школы Бордо» и наиболее консервативной части академического *establishment*'а Франции, так и институциональная несовместимость «гуманитарного» образования и юридической карьеры. Некоторые юридические факультеты развивали свое собственное «социологическое» образование (но лишь как дань престижу), от которого выигрывали чаще всего члены конкурировавших социологических школ (некоторые авторы «Международного социологического журнала» и «Социальной реформы», ортодоксальные леплеисты), и из которого практически полностью были исключены сторонники Дюркгейма. Этот передел ограниченного институционального пространства должен был переориентировать притязания сторонников Дюркгейма на те области, где им был обещан максимальный успех. При этом приходилось оставлять юридические факультеты конкурентам, усилия которых дюркгеймианцы стремились обесценить как с помощью точной критики (представленной, например, в «Социологическом

ежегоднике»^{*} и публичных дискуссиях), так и используя в качестве довода относительную неподготовленность социологии в юридических вопросах.

(1) «Сциентисты», отколовшиеся сторонники Ле Пле; (2) Ортодоксальные сторонники Ле Пле; (3) Авторы в общем близкие к социологической школе Дюркгейма, но не сотрудничавшие с «Социологическим ежегодником».

*Профессия участников социологических проектов**

Авторы или члены групп	Среднее образование	Гуманитарный ф-т	Ф-т права	Свободный ф-т	Писатели	Другие профессии	Всего	Нет данных (%)
«Социологический ежегодник»	13	68	11	2	6	—	100	—
«Международный социологический журнал»	10	30	21	4	8	27	100	31
«Социальная наука» (1)	14	10	14	14	17	31	100	65
«Социальная реформа» (2)	3	10	28	18	9	32	100	32
«Социологические анналы, критические заметки», Французский институт социологии (3)	6	81	13	—	—	—	100	37

* Если были доступны детальные данные, то измерение относилось к моменту пика профессиональной карьеры.

Дюркгейм неоднократно утверждал, что в рамках радикальной реформы факультетов права необходимо было бы социологически проанализировать содержание права, «чтобы дать почувствовать студенту, что право является не набором абстрактных и пустых формул, но реальностью, или, точнее, системой живых фактов, т. е. социальных реальностей» [14, р. 244]. Тем не менее, он публично высказывает мысль о том, что «к сожалению, социология еще не достаточно развита, чтобы занять такое место в образовании» [14, р. 244]. Подобное мнение, высказанное с опозданием (1907 год), контрастирует с прежними надеждами (см. выше ссылки на первые курсы Дюркгейма), относительно шансов укрепиться в юридических школах. Таблица показывает, что, в конечном итоге, Школа социологии должна была довольствоваться почти исключительно позициями на гуманитарных факультетах [2, р. 94 (таблица 8)].

Полемика, развернутая Дюркгеймом против юристов-криминологов и экономистов, проводившаяся им с большой энергией, на деле была направлена против некоторых наиболее известных фигур факультетов права (Лакасань, Вилей, Лерой-Байо, Жид, Дюги) или таких авторов, как Тард, для которых эти факультеты служили резонатором^{**}. Она не носила сколько-нибудь «дисциплинарного» характера (в смысле, например, оппозиции социологии и права). Спор о *научной легитимности* концепций, представляемых названными авторами,

* В дальнейшем «Социологический ежегодник» («Année sociologique») цитируется как «Ежегодник».

** Стоит обратить внимание на названия наиболее значимых избранных текстов подобной полемики в работах Дюркгейма: «Современное состояние социологических исследований во Франции» [16, р. 81–89]; «Социология» [17, р. 115–116]; «Социология и социальные науки, сравнение с Тардом» [18, р. 160–165]; «Спор о политической экономии и социальных науках» [19, р. 218–225].

остаётся общим фоном этих дебатов. Однако институциональная принадлежность этих авторов к юридическим кругам (включающим частные и государственные факультеты права, а также Школу политических наук) для дюркгеймианцев трансформирует эти споры в борьбу против отсталости институционального *establishment*'а, из которого они были исключены. Помимо уже упомянутых первых попыток предложения сотрудничества и союза с отдельными юристами (Поль Ювлен и, позднее, Анри Леви-Брюль), дюркгеймианцы почти не стремились войти в университетское юридическое поле (и очень мало в этом преуспели).

Третий аспект университетской стратегии Школы социологии относится к существовавшим на гуманитарных факультетах маргинальным «гуманитарным» дисциплинам (история и география), а также к тем исследовательским направлениям (педагогика, история религий, этнология, древняя история Франции, эстетика), которые именно в силу своей малочисленности могли претендовать на какое-то институциональное развитие в будущем. Разумеется, введение социологии в структуру одной из классических дисциплин, надёжно встроённых в систему и способных предоставить прочное основание для университетского воспроизводства и расширения социологического знания, стало бы значительным событием. Но, к несчастью социологов, рассматриваемые дисциплины совершенно не располагали предпосылками для позитивного восприятия их области деятельности. В истории и географии того времени, вместе имевших максимальный штат в системе высшего гуманитарного образования*, доминировали влиятельные течения позитивистской направленности. История восприняла престижное интеллектуальное наследие Фюстеля де Куланжа, а география выигрывала от ещё действенного в ту пору миссионерского покровительства Видаля де ля Блаша. Протагонисты этих групп (Лависс, Олар, Видал, Ланглуа, Сеньобос) не только задавали тон в Новой Сорбонне как ведущие фигуры, уполномоченные от имени наиболее легитимных наук. Благодаря контролю за главными каналами системы образования (конкурсом агреже по истории и географии, Школой Хартий**), они могли быть уверены в постоянном и беспрепятственном воспроизводстве своих специальностей. Трудности университетской философии, упомянутые выше, — споры о целесообразности философских классов в лицеях, интеллектуальный кризис, к которому можно добавить сильное падение международного престижа французской философии, — не распространялись на историю и географию. Здесь амбиции дюркгеймианцев, проявившиеся одновременно в виде предложения сотрудничества и в виде критики (как и по отношению к философии), должны были быть встречены либо с сочувственным интересом, благодаря идеологическим союзникам (Олар), либо откровенным отказом (Сеньобос), вызванным критикой, слишком сильной в интеллектуальном плане, но институционально совершенно бессильной (См.: [21, р. 199–217]). Сложилось неблагоприятное соотношение сил для какого бы то ни было участия социологии в университетском преподавании этих дисциплин.

Известно, что в команде «Ежегодника» было очень мало профессиональных историков. В ней насчитывается лишь семь агреже по истории и географии и два выпускника Школы Хартий в противовес 21 агреже по философии и восьми представителям других типов агреже. Однако среди них лишь Анри Юбера можно включить в ядро группы, а среди остальных один лишь Антуан Ваше считался учеником Дюркгейма [22, р. 496]. Заметим, что

* Треть докторских диссертаций по гуманитарным дисциплинам (или 33,4%), защищённых в 1880–1899 гг. в Сорбонне, была посвящена истории и географии, предметам, которым были посвящены 10,6 % кафедр в 1870 гг. и 16,2 % — в 1910. Сравнимые цифры для позиций гуманитарных факультетов доходят до 21 % и 29 % соответственно. Накануне первой мировой войны история и география вместе имели наиболее многочисленный персонал по сравнению со всеми остальными дисциплинами. См.: [20, р. 30–31].

** *Ecole nationale des Chartes* — Национальная школа Хартий. Готовит специалистов по палеографии и архивному делу. — *Прим. перев.*

соотношения сил между дисциплинами в университетской конъюнктуре на рубеже веков должны были оказывать влияние на рекрутирование персонала этих дисциплин, а также на карьерные ожидания на факультете. Дюркгеймианцы рекрутировались главным образом среди агрехе по философии, которые на добрую треть были менее многочисленны, чем агрехе по истории и географии, не говоря уже о других. Например, в 1892–1899 гг. конкурс агрехе прошли 62 философа и 90 историков-географов, а в 1900–1909 гг. — 72 философа и 123 историка-географа. Нормальенцы дольше доминировали среди агрехе по философии (66 % нормальенцев среди агрехе по философии с 1892 по 1899 и 47 % в 1900–1909 гг. против всего лишь 31 % агрехе среди историков в первый период и 34 % во второй)*. В текстах отмечалось превосходство философских ссылок, которыми социологи не упускали шанса воспользоваться (контковским позитивизмом, прежде всего), хотя история, представленная такими авторами, как Фюстель, также фигурировала среди основных ссылок дюркгеймианцев**. Соотношение сил между дисциплинами хорошо проявлялось в виде дифференцированной способности социологии привлекать, с одной стороны, молодых философов, принадлежавших дисциплине, находившейся в глубоком кризисе, которым она указывала новое престижное профессиональное направление деятельности (не требовавшее к тому же никакой радикальной профессиональной конверсии). С другой стороны, социология притягивала молодых историков-географов, карьера которых была полностью связана с теоретическими направлениями, набиравшими силу в университетском мире. В терминах объективных шансов на карьеру, проявляющихся как вероятность получения поста на факультете университета представителями различных дисциплин при одинаковых типах диплома, в 1871–1914 гг. агрехе по истории имели статистически примерно в два раза больше шансов получить пост в системе высшего образования, чем агрехе по философии. Можно сказать, что, начиная с выпуска 1880 г., вероятность сделать карьеру историка-географа, постоянно растущая в течение всего периода, превысила вероятность карьеры во всех остальных областях для имеющих звание агрехе. В тот же период существует сходный разрыв между шансами на получение степени доктора для историков-географов и философов [23, р. 38–39]. Понятно, что в этих условиях призывы социологов находили больший отклик среди молодых философов, испытывавших относительный недостаток средств для университетской карьеры, чем среди историков-географов, у которых она была более надежной.

Итак, оставалось завоевывать позиции с помощью периферийных дисциплин, имеющих некоторый потенциал развития. Эта стратегия позволяла занять позиции в центрах эрудиции, которые сами оставались маргинальными в академической системе (Высшая практическая школа, Школа Лувра, Школа антропологии, музеи, архивы, библиотеки), а также посты на второстепенных факультетах, т. е. мало или совсем не интегрированные в программу диплома лицензиата и тем более конкурса агрехе. Однако университетская легитимность, которую могли гарантировать эти позиции — шла ли речь о едва терпимых преподавателях социологии или о постах профессионалов, лишенных научных функций (в библиотеках и музеях), т. е. не связанных с исследовательской деятельностью (если даже они не были из нее исключены), — при любом раскладе оставалась ничтожной. За исключением, быть может, преподавания в Высшей практической школе, которая благодаря своему местоположению и рекрутированию учеников была символически связана с Сорбонной, ни одна из этих позиций не способна была создать заметную потребность в социологической экспертизе или компетенции, или же обещать расширенное воспроизводство потребности в данном типе

* Подсчет выполнен по спискам агрехе, публикуемым каждый год в «Ежегоднике» Министерства общественного образования и изобразительных искусств. См. по этому поводу также: [23, р. 3].

** См. в качестве примера [20, р. 16].

образования. Дисциплины, не входящие в программы факультетов, страдали от того же холодного отношения, что и школы эрудиции, чья численность студентов и преподавательский корпус увеличивались не в том ритме, на какой рассчитывали в момент их создания (например, при создании Секции религиозных наук в Высшей практической школе в 1895 г. или Школы Лувра в 1882 г.)^{*}. В таких условиях дюркгеймианцы, естественно, стремились получить немногочисленные освобожденные или вновь созданные места в Высшей практической школе (Юбер, Мосс, Эрцц, Симиан), а также в структуре второстепенных дисциплин, на факультетах и в своей собственной области. И хотя эти позиции были лишь крайним средством, они давали почти всем близким к Дюркгейму ученикам возможность начать в довольно молодом возрасте карьеру исследователя. При этом некоторые из них получали возможность экономить на университетских обязанностях (работа на экзаменах, подготовка диссертаций, все более и более многочисленных, необходимость соблюдать предписанные программы, более тяжелая учебная нагрузка), правда, в обмен на более чем скромную, по сравнению с преподавателем университета и даже лица, зарплату^{**}. Сама университетская маргинальность обладателей этих позиций позволяла им создавать новую модель карьеры, полностью посвященную знанию как эрудиции, вне институциональных ограничений, управляющих классической карьерой^{***}. К тому же, поскольку карьера эрудита в Высшей практической школе (маргинальная институция, не признанная Университетом) могла привести в Коллеж де Франс (тоже маргинальная по отношению к Университету структура, так как она не входила ни в один учебный цикл, но была признана интеллектуальной средой и, как это ни парадоксально, наделена максимумом институциональной легитимности), то некоторые видные представители Школы социологии (Симиан и Мосс) сумели на склоне лет достигнуть вершин институциональной иерархии и подтвердить иллюзию академического успеха своей дисциплины^{****}.

Данный анализ стратегии вхождения дюркгеймианцев в поле Университета (использование устоявшейся легитимности других дисциплин и, в некотором смысле, их «внутренний подрыв» с помощью социологического содержания) мог бы заставить поверить в спланированный, если не циничный, образ действий, направленный исключительно на увеличение официальных позиций, находящихся в распоряжении новой науки. В действительности, речь идет о сложных усилиях по повышению статуса дисциплины, имевших двойную цель: гарантировать ей воспроизводимое поле деятельности, т. е. поле, неразрывно связанное с системой, и, в то же время, обеспечить полную легитимность этой деятельности внутри системы. Последняя задача предполагала, что эти позиции должны

* Рост числа преподавателей, например, в школах эрудиции постоянно оставался ниже роста, зафиксированного на факультетах. Между 1890 и 1910 годами в школах эрудиции рост составил со 100 до 122, а на факультетах — со 100 до 143 [23, р. 41, таблица 6/с]. Относительно численности публики, посещавшей курсы Высшей школы, можно сказать, что она скорее колебалась вокруг средних значений, чем возрастала, по крайней мере, в дисциплинах, не имевших прямых связей с каноническими факультетскими программами. Так, среднее число слушателей в год у Леона Марильера, предшественника Мосса, в 1898–1901 гг. было 23, у Мосса в 1901–1906 гг. их было 25, а в 1907–1911 гг. — 22. В начальный период Юбер имел 19 слушателей, в конце — 20. (Подсчет выполнен по «Ежегоднику Практической школы высших исследований. Секция религиозных наук».)

** Жалование представителей высших разрядов в Высшей практической школе было ниже оклада доцента в университете. Например, в 1904 г. жалование профессора (*directeur d'études*) составляло всего лишь 1800 франков, в то время как в провинциальных университетах оно равнялось 4500 франкам. В 1914 г. ежегодное жалование тех же научных сотрудников и доцентов 4-й и 5-й секций Высшей практической школы варьировалось от 1000 до 6000 франков, против 7500 франков, получаемых преподавателями Школы восточных языков или Школы хартий, считавшихся учреждениями эрудиции и имевших сходный статус [24, р. 17–18].

*** См. выше анализ двух моделей эрудиции в Социологической школе.

**** После Мосса в 1944 г., незадолго до своей трагической гибели, в Коллеж де Франс был также избран Морис Хальбвакс.

были соответствовать университетским стандартам высококвалифицированного специалиста (звание агреже по философии, доктор филологии, выпускник Высшей нормальной школы), имевшего профиль среднестатистического члена группы Дюркгейма. Этот утонченный способ повышения статуса дисциплины, несводимый к «количественной» стратегии, предусматривал создание относительного дефицита спроса на потенциальные позиции. Дюркгейм боролся как против гуманитарной традиции, доминировавшей в старом Университете, так и против упрощенной, модной, фальшивой социологии, которая своим распространением угрожала возможности адекватной университетской рецепции социальной науки, основы которой стремились укрепить его соратники. Поэтому он постоянно настаивает на исследовательских усилиях, упреждающих любые притязания на посты, вплоть до запрета, чреватого интеллектуальной инфляцией, на создание учебных программ, институтов или журналов, которые не имеют «золотовалютных резервов» в виде научных достижений: «Некоторые особенно нетерпеливые умы начинают думать, что мы движемся недостаточно быстро. Даже поступали предложения создать в каждом университете специальную кафедру социологии, забывая, что для этого понадобилась бы целая армия социологов, которых мы не можем просто назначить, что социология заинтересована в укреплении своих еще совсем свежих успехов, а не в их распространении. Социологический журнал, существующий уже год, был создан именно под влиянием этих идей. И хотя его появление нам кажется несколько преждевременным, поскольку в Европе на самом деле недостаточно много действительно социологической литературы, чтобы поддерживать периодическое издание, этот журнал является интересным фактом, свидетельствующим о современном состоянии умов» [16, р. 74]. Ту же самую идею, выраженную иначе, можно встретить и в других местах. В недавно найденном тексте о «роли Университета в социальном обучении страны» (см.: [25, р. 181–189]) Дюркгейм настаивает на пользе социологического образования, предостерегая от его необдуманного распространения: «Естественно, и речи быть не может о том, чтобы стремительно создавать множество кафедр и курсов, которые окажутся без специалистов, подготовленных должным образом. Сегодня эра героев закончилась, и больше нельзя стать социологом по случаю, в один день, как это было, когда социология представляла собой всего лишь раздел общей философии» [25, р. 184].

2. Дополнительная институциональная легитимность: обращение к академическим обществам

Завоевание мест в Университете было фундаментальной характеристикой стратегии дюркгеймианцев, поскольку речь шла о непосредственном выживании Школы социологии. Это связано с тем, что лишь вхождение в состав факультетов и школ гарантировало непрерывную карьеру самим членам группы, поле деятельности для будущих ее членов и соответствующее место для эффективного распространения и усвоения предлагаемой теории. Простое присутствие в Сорбонне, например, в виде дополнительных курсов, не давало гарантий университетского долголетия при том институциональном состоянии поля производства знаний, когда факультеты были ориентированы лишь на подготовку преподавателей. При отсутствии независимого исследовательского рынка, будущее гарантировалось лишь тем дисциплинам, которые были органически интегрированы в программы лиценциата и конкурса на звание агреже*. Но распределение постов и создание

* Приведем лишь один пример: после первой мировой войны на факультетах наблюдалось постепенное ослабление педагогического образования, введенного в конце века как одно из основных тематических нововведений. Из семи введенных по этому предмету факультетских курсов к 1938 г. остается лишь четыре, а к 1952 — один. В 1880–1909 гг. защищалось 13 диссертаций по литературе, непосредственно затрагивающих педагогическую тематику, а в 1910–1938 гг. — 15, и если в первый период эти работы составляют 11 % от всех

новых программ осуществлялось под покровительством министерства, которое, в свою очередь, учитывало мнение клубов, представляющих господствующие настроения интеллектуалов. Последние, действующие то как советники государя на основании официально признаваемой за ними компетенции (члены Института Франции, академических и других научных сообществ), то как неформальные группы давления (салоны, журналы, интеллектуальные кланы, чаще всего объединенные также идеологическими и классовыми интересами), формировали вместе институциональную иерархию, параллельную университетской и связанную с ней множеством исторически изменяющихся связей. Мы не можем проанализировать здесь функционирование и внутренние отношения этих иерархий. Тем не менее, следует представить, хотя бы в общих чертах, эту параллельную академическую структуру, что позволит понять основания и объективные условия, позволившие дюркгеймианцам воспользоваться этой структурой как стратегическим пространством продвижения и основным способом демонстрации достигнутой научной легитимности в их стремлении к собственно университетской легитимности.

Представим эмпирическую типологию этих институтов. Все строение, бесспорно, возглавляет Институт Франции, включая все пять специализированных Академий, из которых две — Академия моральных и политических наук и Академия рукописей, языка и литературы — покрывают собой все поле гуманитарных и социальных исследований. Институт обладает официальным статусом, характеризующимся некоторыми признаками (например, право голоса при номинации профессоров в Коллеж де Франс, определении студентов, направляемых в заграничные школы эрудиции), корпоративными задачами (обмен текстами) и полной автономией при кооптации его членов. Эта уникальная привилегия среди официальных институтов указывает на исключительную символическую позицию, занимаемую Институтом. Через распределение премий и финансирование экспедиций Институт участвует в продвижении исследований и играет роль инстанции признания. Другие ученые общества не имели официального статуса, однако министерство могло оказывать им поддержку и выделять субсидии, например, в виде подписки на издаваемые книги, дотаций на экспедиции, финансирования участия в конгрессах. Среди научных обществ необходимо различать три типа, выделенных в соответствии с критериями, которые иногда могут пересекаться. К ним относятся: территориальное размещение (многочисленные парижские научные общества, обладавшие общенациональным влиянием, противостояли провинциальным); характер членства (добровольная ассоциация со свободным членством, ассоциация, взимающая членские взносы и предоставляющая услуги, или закрытое академическое общество, допускавшее в свои ряды лишь уже имевших научные достижения); и, наконец, тематика исследований (где крайние полюса представляют, с одной стороны, общества, не ограничивавшие сферу своей деятельности, чаще всего провинциальные, и с другой — общенациональные «предметные» общества). Хотя эти ассоциации являлись частными (даже если они были связаны с местными органами власти, как это было свойственно провинциальным научным обществам), они могли достигнуть некоторого государственного признания в соответствии с позициями, занимаемыми их членами в Университете или в высших слоях государственного аппарата, и соответственно уровню научной легитимности, которую они все вместе представляли. В этом отношении академические общества, направленные на развитие лишь одной дисциплины, выполняли специфическую роль. Именно они на протяжении всего XIX в. были первой и часто единственной инстанцией, создававшейся для поддержки дисциплин, исключенных из университетского образования и/или не представленных в Институте. Благодаря косвенному

влиянию специализированных журналов и частных курсов, а также других способов распространения и нормализации исследовательской деятельности (финансирование экспедиций, поддержка молодых специалистов, создание издательств или книжных коллекций, распространение научных знаний в широкой прессе), они отстаивали, и иногда очень эффективно, право маргинальных дисциплин на цитирование наравне с широко признанными классическими дисциплинами. При III Республике академические общества — эти дискуссионные клубы и одновременно институты производства и легитимации — иногда выполняли роль *lobbys* по отношению к Институту и государственным структурам того времени для получения их дисциплиной официального статуса. Они увидели зарождение своей славы, когда руководство государства и научного сообщества, в силу относительной неустойчивости их позиций, должны были принять в расчет мнение интеллектуалов, ставшее более структурированным и влиятельным. В 1830–1870 гг. во Франции было создано 120 научных обществ различных типов. Благодаря созданию в 1870–1914 гг. новых ассоциаций, из которых большинство составляли общества, связанные с конкретной дисциплиной, их число перевалило за 300.

Наше исследование могут продолжить некоторые замечания, способные привести к началу социологических рассуждений о социальных функциях и деятельности этих структур.

- 1) Необходимо различать общества двух типов. Первые были образованы вокруг одного предмета, созданы внутри классических дисциплин (литература, история, т. д.) и посвятили себя изучению небольшого тематического раздела этих дисциплин (например, Общество истории Французской революции). Другие предлагали интеллектуальные инновации, оспаривали устоявшиеся практики, или, наоборот защищали эти практики (противостояние между группой «Исторического журнала», выходявшего с 1867 г., и ее католическим противником «Журналом исторических вопросов», издававшемся с 1866 г.) (См.: [26, особенно р. 325–450]).
- 2) Подобные образования всегда связаны со специфическими интересами различных индивидов, вовлеченных в соответствующие исследования (преподаватели университета и духовенство).
- 3) Такие конкурентные образования являются более редкими в дисциплинах, имеющих слабую научную легитимность. Чаще всего они обречены на провал или бессилие. Там, где ставкой является легитимность самой дисциплины, а не узкой группы, научные общества склонны к объединяющему характеру под угрозой стать эфемерными или неэффективными.
- 4) Предположительно можно выделить две основные модели институционального восхождения маргинальных дисциплин. В первом случае научное общество, организованное вокруг конкретной дисциплины, благодаря своей активности или изобретениям, достигает какого-то уровня научной легитимности и заставляет Университет принять свою область исследований (например, восхождение физической антропологии, обязанное влиянию Школы антропологии Катрофажа). Во втором случае некоторая научная группа, доминирующая в своей области, проникает в Университет, используя легитимность дисциплины, признанной в университетских и академических кругах, и «разлагает» ее, опираясь на научную легитимность, которую она впоследствии присваивает. Все заставляет думать, что во Франции гуманитарные науки — особенно социология и психология — реализовали второй путь.

Хотя по отношению к Университету социология оставалась маргинальной на протяжении всего XIX в., идеологический и даже научный интерес, питавший ее, очень рано — практически с момента основания Академии моральных и политических наук в 1832 г. — разделялся авторитетными фигурами Института Франции. Она являлась наследницей таких интеллектуальных направлений, как позитивизм и сенсимонизм, уже предпринимавших попытки академической институционализации (например, Общество социологов под руководством Литтре, 1872 г.). Эти попытки, правда, быстро прекратились. Однако они способствовали формированию образа социально полезной и научно уважаемой

дисциплины, даже если до конца XIX в. ни одна из общественно признанных институций не сумела закрепить за ней (лишь предварительно и на уровне гипотез) самостоятельный набор методов, подходов, суждений и даже конкретный предмет. Самоописание социологии или социальных наук (неустойчивость названия прекрасно отражает нечеткость содержания) оставалось настолько же смутным и неопределенным, насколько увеличивался рост числа ее почитателей, вызванный постоянным увеличением социального спроса на экспертизу и прогноз в этой области, которые оправдывались рассуждениями об «общественном кризисе». Известные исследования Виллерме или Бодрийера о пауперизме рабочих или о мире крестьян, заказанные Институтом Франции, отвечали непосредственно на этот социальный запрос. В равной степени ему соответствовала миссионерская деятельность Ле Пле, выразившаяся в создании Общества социальной экономики (1856 г.) — колоссального предприятия по общественной мобилизации, имевшего идеологические цели помимо собственно политических каналов мобилизации. С небольшими нюансами можно сказать то же самое о социологическом движении конца века, породившем целую серию стихийных институтов: Общество социальных наук (отколовшиеся сторонники Ле Пле, 1886 г.), Международный институт социологии (1893 г.), Парижское социологическое общество (1895 г.). К ним можно добавить не менее многочисленные парижские частные институции: Колледж социальных наук (1895 г.), Высшая школа социальных исследований (1900 г.), Социалистическая школа (1900 г.), Русская высшая школа социальных исследований (1901 г.). Их объединяло общее стремление снабжать конкретными фактами — на манер формирующей мнение массовой прессы — дебаты по актуальным социально-политическим вопросам, используя признаки научной и институциональной легитимности. Речь идет об образе, который заботливо формировался благодаря демонстративному присутствию имени Института Франции или Университета, зачастую не имевших никакой тематической связи с социологией*. Ореол легитимности создавался также с помощью обращения за официальной поддержкой и целого церемониала из собраний, выборов или конгрессов, включая множество публикаций протоколов, выступлений и т. д. Эти зачаточные институты оказались не способны эффективно пропагандировать свою дисциплину среди внешней публики, которая преимущественно рекрутировалась из буржуазии, а не из среднего интеллектуального класса**.

В этих условиях принадлежность к указанным группировкам, где они могли бы легко доминировать, давала дюркгеймианцам лишь скромные преимущества. В лучшем случае они должны были играть роль авторитетного «прикрытия», а в худшем — блестящих статистов в предприятии, способном испортить научную марку социологии, которая все же располагала престижным послужным списком (Конт, Спенсер). Напротив, неприятие альянсов, вплоть до

* Среди организаторов Свободного колледжа социальных наук оказываются некоторые влиятельные лица Сорбонны во главе с эллинистом Альфредом Круассе, историком Шарлем Сеньобосом, географом Жаном Брюном, философом Эмилем Бутру и др. В число лекторов Высшей школы социальных исследований входили философы Фредерик Ро, Альфонс Дарлю и Ксавье Леон, педагог Фердинанд Бюиссон, экономист Шарль Жид и обязательный декан Круассе. [27, p. 155–160].

** Если сотрудники «Ежегодника» в большинстве своем (до 85 %) имели университетские профессии, среди авторов «Международного журнала социологии» эта цифра составляла 57 %, среди сотрудников «Социальной реформы» — 45 %, а среди членов группы «Социальная наука» — 39 %. В двух последних группах процент представителей либеральных профессий и буржуа (представители деловых кругов) достигал 43 % и 56 % соответственно [2, p. 91. Таблица 5]. Относительно более широких групп давления, существовавших вокруг двух последних журналов. Например, в 1900 году «Общество социальной экономики» (леплеисты) на три четверти состояло из представителей буржуазных и либеральных профессий, в том числе 8 % церковнослужителей. Это верно и для «Общества социальных наук», имевшего в 1912 г. 14 % церковников в своем составе. Ни в одной из этих групп доля представителей собственно интеллектуальных профессий не превышала 15 %. Контраст очевиден при сравнении с «университетскими» научными обществами социальных наук, такими, как «Общество Эрнеста Ренана» (1913), «Французское антропологическое общество» (1914) или, позднее, «Французский институт социологии» (1931), где доля преподавателей всегда оставалась ниже 25 % [2, p. 92–93].

отказа от объединения в блоки, способствовало получению значительной прибыли в силу эффекта «относительной дистанции». Профессиональный и научный характер практики дюркгеймианцев создавал необходимую дистанцию по отношению к конкурировавшим группам, организованным в общества или школы. Эти группы были тем более подвержены дилетантизму, чем более профессионально и интеллектуально разнородными были их участники и чем более им недоставало единого интеллектуального проекта. Кроме того, они все больше становились единственными потребителями собственной продукции* (особенно после почти одновременной смерти своих основателей, Тарда в 1904 г. и аббата де Турвилля в 1903 г.).

Дистанцирование позволило реализовать исключительную стратегию, направленную на поддержание отношений только с узко дисциплинарными академическими обществами. Одни из них являлись настолько однозначно легитимными научными дисциплинами, что само их участие, выступавшее гарантией научности, способствовало университетскому признанию (например, Французское философское общество). Другие, представлявшие собой научные общества маргинальных в Университете дисциплин, были профессионально признанными дискуссионными форумами, и одновременно группами давления за университетское признание той или иной специальности. Отнюдь не стремясь нанести урон представлению об интеллектуальной автономии Школы социологии, укажем, что вхождение в это славное научное товарищество позволяло ей продемонстрировать свои лучшие стороны. Дюркгейм, Мосс, Симиан и другие, участвуя в дебатах этих обществ как кооптированные или приглашенные члены, и даже сталкиваясь с авторитетной, часто враждебной и суровой критикой, получали идеальную возможность показать исключительность своих легитимных и профессиональных оснований. Они показывали, что принимают в качестве судей и признают как равных лишь профессионалов, максимально легитимных в своих дисциплинах. В обмен они получали прибыль от такой же выверенной ассоциативной стратегии, которая способствовала их стратегии успеха, поскольку непосредственно удваивала и поддерживала их усилия по интеграции в Университете.

В этом отношении естественно, что принятие Дюркгейма во Французское философское общество приобрело особое значение (1906 г.). Это было, конечно, признанием индивидуальным, но в то же время и знаком признания дисциплины и того теоретического направления, которое он возглавлял. Впоследствии другие члены Школы социологии (Симиан, Мосс, Бугле) были приглашены для участия в дебатах, имевших серьезный резонанс в силу исключительного авторитета, которым обладало Общество, и того мнения, которое было высказано по этому поводу в его «Бюллетене». Необходимо отметить, что особенность этой ассоциации состояла в том, что сам Дюркгейм не вступал ни в одно другое научное общество, и только в исключительных случаях участвовал в дебатах других обществ. (Он несколько раз участвовал в «Свободной беседе» Союза за истину — светского интеллектуального дискуссионного клуба, — но, судя по всему, не как лектор.) Что касается его деятельности в Философском обществе, то в «Бюллетене» за 1906–1917 гг. мы находим не менее 14 докладов. Впрочем, несмотря на наличие теоретических разногласий, на которые они постоянно указывали, дюркгеймианцы и философы взаимно признавали авторитет друг друга. Так, в 1908 г. группа не упустила случая отправить Симиана (поскольку Дюркгейм не мог поехать) на Международный философский конгресс в Гейдельберге, где, кроме того, в

* Непрямое измерение аудитории различных школ социологической мысли на основе частоты цитирования в справочниках и популярных изданиях авторов, принадлежащих к данным группам, показывает, что, начиная с 1920 г. леплейсты почти исчезли из пространства социологического цитирования, а распространение работ социологов «интернационалистов» существенно ослабло исключительно в пользу дюркгеймианцев [2, p. 84–89. Таблицы 1–3].

своем выступлении о современной французской философии Эмиль Бутру очень горячо представил Школу социологии (См.: [28, р. 133–136]). Участие Дюркгейма в Международном философском конгрессе в Болонье в 1911 г. является, если исключить возможность ошибки, его единственным официальным заграничным путешествием. Эти показатели, сами по себе второстепенные и незначительные, становятся примером для авторов, находивших удовольствие в систематическом дистанцировании от философских кругов.

Чтобы закончить с этой темой, напомним, что дюркгеймианцы довольно поздно, уже после смерти основателя Школы, решились создать свое собственное научное общество — Французский институт социологии (1924 г.). Организованный как общенациональное академическое общество, Институт должен был в некотором смысле официально оформить господство, которого достигли в своей узкой специальности члены группы, демонстрируя многообразие связей с различными дисциплинами, вектором для которых оставалась новая наука. В силу упадка конкурирующих групп, выражавшегося, например, в слабом распространении их филиалов, Институт оказался свободен как от функций борьбы, так и от необходимости повышения статуса дисциплины, и очень быстро оказался дискуссионным клубом маститых профессоров.

Имея в своем составе около 40 членов, включая всех живых на тот момент отцов-основателей (Бугле, Фоконне, Дави, Хальбвакса, Мосса, Симиана), Институт объединял большинство старых сотрудников «Ежегодника» первого и второго периодов (например, в 1931 г. 30 из 43 сотрудников). Профессиональный состав группы явно указывает на ее принадлежность к университетскому *establishment*'у: 10 преподавателей гуманитарных дисциплин в Коллеж де Франс, Сорбонне или Высшей нормальной школе, 8 преподавателей гуманитарных факультетов в провинции, 7 сотрудников школ эрудиции (Высшая практическая школа, Школа Восточных языков) и музеев, 6 преподавателей факультетов права, 4 сотрудника Архива и университетской администрации, наконец, два адвоката, один ученый и еще несколько человек, позиции которых не указаны (состояние группы на 1931 г.). Единственным иностранцем в группе был ученик Анри Юбера — Кзарновски. В 1931 г. 30 из 43 членов Института проживали в Париже.

3. Завоевание научной легитимности

Отношения между легитимностью дисциплины, которая объективируется позицией, даруемой ей институтами (Университетом, Институтом Франции, академическими обществами), и научной легитимностью этой дисциплины, даруемой эрудированным мнением (независимо от институтов), отнюдь не являются результатом простого взаимного влияния. Иллюзия близости двух типов легитимности объясняется одинаково высоким статусом некоторых классических областей исследования в каждом из этих аспектов. Однако множество специальностей, чья позиция в системе высшего образования ни разу не подвергалась сомнению в течение всего XIX в. (например, живые языки), или те, что прочно укоренились в академической среде (например, география), на самом деле обладали очень скромным интеллектуальным влиянием. Напротив, дисциплины или области знания, представленные такими фигурами, как Шампольон (египтология), Катрофаж (физическая антропология) или Огюст Конт (позитивная философия), имели мало шансов на цитирование в институциональной системе. Чтобы понять подобное положение вещей, напомним, что в XIX в. эти два типа легитимности были довольно сильно изолированы. Достаточно указать, что развитие университетских учреждений, факультетов и школ эрудиции вплоть до начала III Республики происходило независимо от научного статуса дисциплин в интеллектуальном поле. Оно определялось исключительно потребностями собственно Университета (воспроизводство профессионального корпуса, гарантия постоянства классических дисциплин, поддержание преимущества последних в культуре доминирующих классов) или

Государственной администрации (например, подготовка архивариусов, библиотекарей — Школа архивов, дипломированных переводчиков — Школа восточных языков). Лишь в результате реформы высшего образования конца XIX в., состоявшей как раз в попытке «модернизировать» факультеты, научная легитимность смогла стать фактором институционального продвижения. Региональная география и география человека своим включением в учебный курс гуманитарных факультетов, помимо других, иногда очень значительных преимуществ, обязаны авторитету Школы Видаля де Ля Блаша, так же, как экспериментальная психология — деятельности Теодуля Рибо. Эти модели успеха могли лишь утвердить дюркгеймианцев в идее, что их университетское спасение зависело от научного статуса, которым они могли заручиться.

Усилия по научной легитимации, предпринятые Школой социологии, можно свести к четырем основным элементам. Во-первых, обращение к легитимности наук, сложившейся в других странах и, в частности, в Германии. Во-вторых, использование «Ежегодника» как стратегического оружия. В-третьих, оригинальность методов доказательства научности, использованных в научной практике. В-четвертых, альянс, солидарность и обмен услугами с другими социальными науками. Мы будем рассматривать лишь вскользь последний элемент стратегии дюркгеймианцев, поскольку по своей значимости и масштабу он требует отдельного исследования.

Нет уверенности, что тщательный анализ позиций, занимаемых специалистами по социальным наукам в немецких университетах, мог бы подкрепить образ, который создали и распространили Дюркгейм и его сторонники. Но реальное состояние немецкого социологического движения играло небольшую роль для использования его образа в качестве легитимного эталона, опиравшегося на престиж немецких университетов как центров исследовательской жизни, т. е. выразителей последнего слова в науке. Для Школы социологии важным было то, что «немецкий кризис французской мысли»^{*} оправдывал любое интеллектуальное предприятие, способное представить модели, признанные в Германии. И в них не было недостатка, настолько широко Школа представляла соответствующую литературу. Она заставляла признать авторитет Тённиса, Вундта, Шмоллера, Шеффле, Зиммеля или Гумпловича, которые являлись — после Спенсера и до англосаксонских этнологов — основными цитируемыми авторами интеллектуального универсума дюркгеймианцев. Факт такого «германского господства» в группе «Ежегодника» становится еще более очевидным, если знать, что ничего подобного не встречалось в других социологических группах, внешних по отношению к Университету, таких, как сторонники Тарда, «социологи интернационалисты» или леплеисты всех мастей. И наоборот, обращение к немецкой мысли как способу легитимации функционировало в качестве основы взаимной зависимости, если не солидарности, между психологами, историками, географами и, конечно, филологами Новой Сорбонны, где дюркгеймианцы стремились укорениться.

За недостатком места мы не можем представить все доказательства того значения, какое приобрело в конце века использование немецкой науки в механизме легитимации доминирующих теоретических направлений гуманитарных и естественнонаучных факультетов. Все происходит так, как если бы она функционировала в качестве одного из полюсов оппозиции между университетскими группами и всеми остальными, когда частота цитирования немецких авторов (и содержания их текстов) в научных журналах и книгах выступала показателем дистанции по отношению к университетскому *establishment*'у. Это верно, идет ли речь об отношении «Исторического журнала» Габриэля Моно позитивистской направленности и прокатолического «Журнала исторических вопросов», об оппозиции

^{*} Выражение, указывающее на сильное влияние немецких авторов во французском интеллектуальном поле после поражения 1871 г. — *Прим. перев.*

«Географических анналов» Видаля и «Географического журнала» (органа «старой» географии), или о «Философском журнале» Рибо и «Психологическом ежегоднике» — рупоре новой экспериментальной психологии — в противоположность «Философскому ежегоднику» и «Философской критике». То же самое различие можно наблюдать между «Социологическим ежегодником», где рецензии, посвященные немецким работам, достигали или превышали две пятых от общего числа, являясь наиболее многочисленными по сравнению с иными национальными школами и другими журналами по социальным наукам, рецензировавшими по преимуществу французских авторов. В «Международном социологическом журнале» их доля превышала две трети, а в «Социальной реформе» леплеистов она составляла более девяти десятых [2, р. 105–106. Таблицы 19 и 20]. Не обращаясь к более детальному анализу, можно сказать, что в системе ценностей, навязанной представителями Университета, к которой дюркгеймианцы имели вполне сознательное отношение, слабое цитирование немецких авторов стало синонимом научного провинциализма.

Нам известен уровень немецкого влияния на формирование мышления и карьеру дюркгеймианцев. Почти все они начинают с зарейнских *Wanderjahre*^{*}, откуда Дюркгейм, Мосс, Бугле, Симиан, Хальбвакс черпают вдохновение, а иногда даже материал для своих первых работ. Что касается Дюркгейма, то в двух его первых текстах, за которые он назначается на факультет в Бордо, анализируется состояние моральных наук в немецких университетах, а шесть из восемнадцати опубликованных до «Социологического ежегодника» рецензий относятся к немецким работам. В «Социологическом ежегоднике» (1-го периода) частота рецензий на немецких авторов постоянно росла и составляла 38 % в 1896–1900 г., 39 % в 1901–1909 г., а в дальнейшем — 46 %, в отличие от 17 %, 20 % и 22 % для англосаксонских авторов и 28 %, 29 % и 27 % для французских, в то время как доля авторов, пишущих на других языках, в основном на итальянском, со временем лишь сокращалась и составляла соответственно 18 %, 12 % и 5 % [2, р. 105–106. Таблицы 19 и 20]. Мы не можем проследить во всех деталях эволюцию места иностранных авторов в интеллектуальном пространстве дюркгеймианцев, а статистические данные почти столь же скрывают его, сколь и проясняют. Для главы Школы социологии, который близок в этом другим лидерам группы, можно выстроить последовательность предпочитаемых ссылок, более глубокий анализ которой, возможно, установил бы соответствие с этапами университетской стратегии и изменяющимися научными интересами группы. В начале, в момент формирования группы и преподавания Дюркгейма в Бордо, т. е. в годы подготовки (до появления «Ежегодника») преобладает явно афишируемое немецкое влияние, хотя англосаксонские ссылки остаются обязательными (Морган, Спенсер). Во второй период, в начале формирования группы как теоретической школы с претензией на университетское признание, появляется необходимость обращения к французской позитивистской традиции. Затем все больше и больше дает о себе знать «этнологическая революция», включая двойное открытие английской религиозной антропологии (Фрэзер, Риверс, Робертсон Смит...) и африканской, американской и австралийской этнографии (Спенсер и Гиллен). Это начало исследований по социологии религии на основе сравнительного анализа, стимулирующих тематическую ориентацию молодых реформаторов группы (Мосс, Юбер, Эрц) и новый взлет самого Дюркгейма. Как следствие, в его практике начинают преобладать английские ссылки. Вот тщательно продуманное ретроспективное признание Дюркгейма по этому поводу: «Я читал Вундта еще в 1887 г. и только в 1895 я отчетливо осознал ту принципиальную роль, какую играет религия в социальной жизни... Для меня это было открытием. Этот курс 1895

^{*} *Wanderjahre* — «годы странствий», по названию романа И.В. Гете «Годы странствий Вильгельма Мейстера». — *Прим. перев.*

года является демаркационной линией в развитии моих представлений... И “Этика” Вундта... сыграла не последнюю роль в этом изменении. Оно многим обязано исследованиям по религиозной истории, которые я проводил и, особенно, чтению работ Робертсона Смита и его школы» [29, р. 404].

Конечно, речь скорее идет об идеально-типических, чем хронологических этапах. К тому же, чтобы приблизиться к реальности, необходимо рассмотреть эти этапы сквозь призму возможностей выбора и индивидуальных потребностей каждого автора группы, определявших его позицию в тематическом разделении труда в «Ежегоднике». Выступая своего рода вехами эволюции, эти этапы позволяют понять, почему с начала века, несмотря на видимое количественное преобладание, немецкая гегемония в социологических исследованиях уже отошла в прошлое. Например, в 1902 г. Дюркгейм признавал, что в прошлом он многим обязан немцам, но он отрицал их значение для своего настоящего и будущего. Отвечая на вопросы анкеты о «немецком влиянии», которая сама по себе симптоматична, он утверждает, что «отчасти благодаря этой школе я усвоил смысл социальной реальности, ее сложности и органичность ее развития. Благодаря контакту с ними я понял скудость понятий французской школы... когда я начинал 18–20 лет назад свои исследования, именно из Германии я ожидал просвещения... Что касается настоящего, у меня очень четкое впечатление, что Германия не сумела обновить свои представления. Производство остается активным, более активным, чем у нас. Но я не вижу новых импульсов в среде социальных наук... Мне хорошо известно, что оно насыщено своей собственной продукцией...» [30, р. 400]. Позднее, в своих резких спорах с бельгийским католическим критиком Симоном Деплажем, Дюркгейм будет постоянно защищаться от обвинения в «тенденциозной аргументации», что в Школе социологии преобладает немецкое влияние: «Работа Конта оказала на нас гораздо более глубокое воздействие, чем неопределенные и немного вялые идеи Шмоллера и особенно Вагнера. А Конту предшествовало влияние неокритицизма... И, наконец, известно, какое значительное место в нашей работе заняли исследования религиозных феноменов. А изучение религии преимущественно проводится англичанами и американцами. В этом нет ничего немецкого» [31, р. 405–406]. Необходимо отметить, что со временем, по мере укрепления научных и университетских основ Школы социологии, независимо от его «технической» пользы, жизненное и стратегическое значение немецкого влияния падает. Также необходимо учитывать, что приближение войны и последующая атмосфера враждебности породили настоящий кризис сознания преподавателей французских университетов. Самые легитимные еще в недавнем прошлом зарубежные интеллектуальные ориентиры оказались под запретом и как постыдные вытеснялись в бессознательное, поскольку имидж «Новой Сорбонны» продолжал нести на себе их следы. То, что в 1916 г. националистический журнал мог назвать самого Дюркгейма «замаскировавшимся фрицем, представляющем *Kriegsministerium*», агенты которого кишат во Франции», частично объясняется этим общественным имиджем университетского корпуса, а не только антисемитизмом в его правом варианте [35, р. 478–479]. Известно, что конфессиональная ксенофобия католической окраски, распространяемая идеологами «Французского действия» (*l'Action française*), быстро привела к слиянию этих двух тем. Книга Пьера Лассера «Официальная доктрина Университета» [36, р. 506] является ярким примером подобной тенденциозной мешанины. «Содержание» книги в качестве «Выводов из фактов, представленных в этой книге» под пунктами два и три предлагает: «В каком смысле можно говорить, что Сорбонна “германизирована”. Немецкая наука. Значение и политические механизмы университетских реформ. Позиция евреев и протестантов на

* *Kriegsministerium* — военное министерство (нем.) — Прим. перев.

вершине Университета». Список примеров и цитат по этому поводу можно было бы продолжить*.

Совсем другим было стратегическое использование «Социологического ежегодника» — общественного органа группы с 1898 (дата его первой публикации) по 1913 г. (дата выхода последнего тома первого периода). «Ежегодник» выполнял целую серию функций, необходимых для выживания и развития группы, хотя и не относящихся непосредственно к усилиям по научной легитимации: испытательный отбор новых сотрудников, работа по увеличению теоретической сплоченности и коллегиальной организации исследований (с тщательным разделением труда). Вторая его принципиальная функция состояла в том, чтобы сотворить поистине чудо и навязать как во французском, так и в международном интеллектуальном пространстве идею, что социальная наука, которая по канонам развитых наук в действительности находилась на эмбриональной стадии развития, полностью сформировалась, и что не может быть другой социологии, кроме социологии в духе Дюркгейма. Задача решалась бы легко, если бы речь шла лишь о доказательстве на примере. Но оригинальное творчество дюркгеймианцев в течение долгого времени (до создания «Ежегодника») оставалось довольно скудным. Работы других «школ» могли лишь его выгодно оттенять, что, конечно, приветствовалось, но именно поэтому они были не способны доказать жизненность самой дисциплины. Потому понадобилось сооружение, грандиозное по своим намерениям и убедительное в силу своей систематичности. Именно такой конструкцией в ходе множественных трансформаций стала внутренняя тематическая организация «Ежегодника». Она поддерживала иллюзию науки, которая если еще и «не полностью сформировалась», то уже обладает серьезной понятийной структурой, испытанными методами анализа, теоретическими школами, признанными за границей, группой всеведущих исследователей во Франции, а самое главное — собственным четко определенным предметом.

Проблема специфичности предмета занимает стратегическое место, поскольку от этого зависит сама возможность существования отдельной науки о социальном. В борьбе против органицизма биологического толка и психологизма (Тарда), которые отрицали особенную природу социальных феноменов, и чье влияние в интеллектуальном поле доминировало до конца века**, дюркгеймианцы разработали свои «реалистические» аксиомы для определения социальных фактов как специфической сферы действительности, управляемой естественными законами [11; 37]. Однако им не хватало эмпирического определения области или областей социологии. Дюркгеймианцы опираются на абстрактное определение своего предмета, оказавшись не способными предложить на его основе конкретное доказательство. Дюркгейм пространно объясняет это в одной из статей 1900 г., дабы потом разработать свою концепцию социологии как синтетической науки для социальных дисциплин. Относительную неопределенность предмета социологии он объясняет молодостью дисциплины: «Только что родившаяся наука имеет и может иметь в начале только неуверенное и смутное чувство той области реальности, к которой она направляется, о ее размере и границах... Настоятельно необходимо... чтобы она достигла также более глубокого осознания своего предмета, поскольку путь, по которому следует ученый, надежнее, когда он проходится методично и... когда он может дать более точный отчет о

* Смотри, например, статьи Ж. Мэра (G. Maire): [32–34].

** Например, в почти исчерпывающем корпусе справочников, учебников и обзоров по социологии до 1914 года Габриэль Тард цитируется едва ли реже, чем Дюркгейм, если абстрагироваться от работ группы дюркгеймианцев: в четырех случаях Тард цитируется чаще, в шести случаях — реже и в двух случаях — наравне с Дюркгеймом [2, р. 86–88]. Среди дюркгеймианцев Тард — единственный современный регулярно цитируемый автор, сравнимый по частоте цитирования с классиками (Конт, Сен-Симон) [2, р. 84].

территории, на которую он вступает» [38, р. 13]. Дюркгейм чувствовал себя обязанным защититься от обвинений: «...Когда некоторые отсталые критики, бессознательно разделяющие предрассудок, который во все времена яростно противодействовал формированию новых наук, упрекают социологию в том, что она пренебрегает вопросом о том, за какой конкретный предмет она должна взяться, мы можем им ответить, что подобное пренебрежение неизбежно в первый период исследований...» [38, р. 13]. Практическое определение этого предмета выпало на долю «Ежегодника».

Говоря о дисциплине, к которой могли причисляться такие фигуры, как Фрэзер или Вундт (постоянно цитируемые дюркгеймианцами), и относительно идентичности которой общее мнение отсутствовало настолько, что ее возможное тематическое пространство являлось ставкой в бесконечных спорах между самими «социологами», но особенно между дюркгеймианцами и представителями других «социальных» дисциплин, «Ежегодник» мог быть лишь местом эпистемологической научной инсценировки. Его постоянно меняющиеся рубрики служили декорациями перед пустыми кулисами дисциплины или, лучше, фасадом проектируемого интеллектуального здания*. Поскольку этот «план строительства» предлагал образ завершенной системы, то «Ежегоднику» удалось добиться признания максимальных притязаний дюркгеймианцев (используя идею о том, что любой человеческий опыт имеет коллективный аспект и, значит, дает основания для анализа в терминах социальных причин), которые отныне стали основами здравого смысла социологов. Рискую интерпретировать по своему данные целого ансамбля дисциплин, считавшихся «социальными» (не исключая литературы, техники, лингвистики, истории идей и верований), «Ежегодник» сумел продемонстрировать конкретные примеры использования «социологического взгляда» в тех областях, которые считались ускользающими от всякого «объяснения», кроме исторического описания или истолкования.

В этом отношении важным делом стала (благодаря Дюркгейму, Моссу, Юберу и Эрцу) истинная интронизация религиозной социологии в «Ежегоднике» и представление ее в качестве основы теории общества. В «Ежегоднике» эта рубрика была первой в ряду специализированных рубрик, располагаясь непосредственно после общих вопросов, объединенных заголовком «Общая социология». В трех первых номерах ей выделена четверть, и ее доля увеличивается до 28 %, 34 % и 29 % соответственно в группах трех последующих изданий. В целом она занимает больше места, чем все остальные тематические рубрики (будь то «Моральная и юридическая социология», «Криминальная социология и моральная статистика», «Экономическая социология» и «Социальная морфология»). К тому же десять из девятнадцати авторских докладов, опубликованных в «Ежегоднике», относятся к области религии. Это подавляющее большинство авторитетных научных выступлений, представленных членами группы (в четырех из оставшихся девяти докладов были иностранные авторы или авторы, не входящие в группу). Мы лучше поймем то исключительное значение, которое дюркгеймианцы придавали изучению религиозных феноменов на страницах «Ежегодника», если учтем, что эти феномены практически полностью игнорировались другими родственными журналами, кроме тех случаев, когда они служили выражением актуальных социальных конфликтов (например, дело Дрейфуса). Так, «Ежегодник» содержит 15 % рецензий, посвященных проблемам религии в узком смысле (исключая темы, введенные дюркгеймианцами в свою теорию религии), «Социальная реформа» леплеистов — 8,5 %, «Международный социологический журнал» — 2,7 %**.

* Именно в этом состоит существенное различие между функцией «Ежегодника» и формально аналогичных журналов, таких, как «Философский ежегодник», «Географический ежегодник», т. д., создание которых относится к той же эпохе.

** Цифры рассчитаны на основе данных, представленных в [2, р. 106].

Цифры лишь указывают место разрыва, осуществленного дюркгеймианцами по отношению к гуманитарной традиции. Для последней религия является высшим фактом цивилизации, полученным прямо от бога и совершенно несоизмеримым источником индивидуального опыта. В рамках данной традиции было немыслимо объяснять эти «священные» феномены профанными причинами, и к тому же полагать их, как предлагали дюркгеймианцы, «социальными вещами» *par excellence*. Более того, это научное святотатство приводило к постоянному и методически осуществляемому сравнению универсальных и «примитивных» религий, даже если дюркгеймианцы, пришедшие после английских «антропологов», были здесь не первыми.

Социологическая теория религии, в том виде как она определяется и оттачивается в «Ежегоднике» (особенно выработка соответствующих понятий: тотемизм, анимизм, религиозное и магическое, священное и профанное, ритуал и миф и т. д.), представляет собой лишь крайний случай усилий по классификации и выстраиванию перспективы для определенной области социологии. Подобный анализ можно было бы провести относительно уголовного права, преступности, организации домашнего хозяйства, техники, языка и даже экономики, не говоря уже о «социальной морфологии» или «коллективной этологии», сами понятия которых были разработаны для целей классификации работ, представляемых в «Ежегоднике». Ранее не было попыток реализовать подобный проект, поскольку он мог реализоваться только в «Ежегоднике». Если «Ежегодник» сделал его возможным, то не только потому, что с самого начала он был задуман как проект, способный охватить всю совокупность возможных социологических материалов. В первую очередь это связано с тем, что он был в полном смысле этого слова критическим журналом, позволявшим его сотрудникам экономить на фундаментальных исследованиях в изучаемых областях, не исключая ни одной из них из своей социологической работы. Дюркгеймианцы занимались темами (иногда и вовсе «предвзятыми»), в которых они не были специалистами. Однако с помощью критических обзоров, приводивших к своеобразной научной евхаристии (например, преобразование материала, относящегося к «человеческой географии», в «социальную морфологию»), — что могло обернуться блефом, если не подлогом, — члены Школы героически сумели создать законы для огромной научной империи, даже не обследовав ее до конца. Они, конечно, считали, что обязаны это сделать. Стратегическая роль «Ежегодника» состояла в том, чтобы принять все «рецензии», заставляющие верить в существование науки, если не полностью сформированной, то, по крайней мере, располагающей разработанными основами. То есть науки если не легитимной, то, по крайней мере, вполне легитимируемой*.

Хотя эмпирически это кажется сложным, среди факторов успеха «Ежегодника» необходимо выделить «эффект группы» и то, что собственно принадлежит критической установке, единогласно принятой членами группы. Действие этих двух факторов кажется неразделимым еще и потому, что группа формируется с помощью техник отстранения и дистанцирования от других групп, находившихся в схожем тематическом пространстве. Помимо прочего, Социологическая школа образуется с помощью социальной или институциональной закрытости, общности интеллектуального пути, языка, ссылок, общей символики (идентификация с главой школы, ключевой идеей и т. п.) и, конечно, с помощью специфического научного метода. Единый критический подход, реализованный дюркгеймианцами в «Ежегоднике», несмотря на теоретические расхождения и вариации внутри группы (например, между сторонниками «социологического реализма» (Дюркгейм,

* Стоит ли добавлять, что критические усилия, направленные на систематический, хотя и недостаточный, чтобы включить работы Макса Вебера, обзор всей продукции по этой теме, сами зависели от наличного состояния научного производства?

Мосс, Симиан, Юбер и др.) и их друзьями-противниками (Бугле, Пароди, Лапи)*, заставлял воспринимать участников более сплоченными, нежели это было в реальности. Действовал эффект пространственного смещения, поскольку они конструировали образ группы, коллективно хранящей истину, полученную из одного источника. Само содержание этого подхода, где суровая критика соседствовала с авторитетной похвалой, увеличивало значение их аргументов. Критические выпады, если они методичны, способствуют росту доверия к ее авторам, если только не сделают их смешными, потому что выглядят безосновательными и противоречивыми. Доктринальная жесткость, которую иногда бесспорно проявляли дюркгеймианцы (например, в отождествлении религии с «коллективным духом»), оказывалась полезной. Демонстрация силы убеждений, которую дюркгеймианцы смогли реализовать столь последовательно в «Ежегоднике», лишь усилила общее убеждение в их силе. Тактическое чувство не подвело Дюркгейма, когда он намеренно отдал предпочтение критической функции «Ежегодника» в ущерб его «догматической» функции, состоявшей в публикации авторских исследований, оставляя последним лишь очень немного места (не более четверти всего журнала), чтобы позднее, начиная с 11 тома «Ежегодника» (1910 г.), совсем перестать их печатать.

«Ежегодник» выполнял функцию основного оружия борьбы за завоевание «дворянских грамот» для новой социологии, но дюркгеймианцы использовали и другие формализованные практики и техники, призванные усилить научный успех дисциплины. Трудность представления их идей была связана с тем, что речь шла не об отдельных приемах, но об элементах единого метода, набор которых призван был проиллюстрировать автономность и способность к оригинальной интерпретации науки, эпистемологический аппарат которой развивается совершенно самостоятельно (понятия, проблематика, темы, внутренние классификации, методы анализа, основные аксиомы), т. е. как в классических дисциплинах, и полностью соответствует их легитимным практикам. Эффект различия, произведенный дюркгеймианцами, основывался на противопоставлении их практик вульгарной социологии конкурирующих групп и разного рода спонтанной социологии, мода на которую в конце XIX в. проникла в газеты и штабы различных партий, не ограничиваясь школами и обществами социальных наук, возникшими в Латинском Квартале.

На первое место среди стратегических моментов метода необходимо поставить способ определения предмета исследования. Говоря о тематически «тоталитарном» характера «Ежегодника», мы уже отмечали, что он расценивался современниками как «социологический империализм». Эта методологическая особенность имела и другие примечательные стороны: конструирование научных предметов опиралось на материал, собранный другими дисциплинами, (историей, этнографией и статистикой**); с теоретически сконструированными предметами обращались как с набором «идеально-типических» гипотез (не вполне оформленных), ставшим методологической аксиомой («предварительное определение» объекта)***; конструирование самих предметов представляло собой этап исследования, и на практике социолог ставил не те же вопросы, что здравый смысл (по крайней мере, ставил их иначе). Важность этого принципа можно понять, проанализировав тематическую панораму «Ежегодника» (или работы его основных сотрудников), из которого последовательно исключены все ссылки на актуальную, как с точки зрения событий, так и «проблем», социально-политическую ситуацию. Факт сам по себе примечательный для членов группы, в массе своей активистов поколения дрейфузаров, которое породило понятие

* См. по этому поводу. [39].

** «Пусть он [социолог] старательно рассмотрит все вспомогательные дисциплины — историю, этнографию, статистику, без помощи которых социология совершенно бессильна» [40].

*** Иллюстрацию этого правила смотри в [41, p. 140–165; 42, p. 357–414; 43, p. 257–288].

интеллектуала, подразумевающее «ангажированность». Использование таких методических принципов помогало приблизить дюркгеймианцев к методологическим канонам таких классических дисциплин, как философия, история литературы или историография. В то время, несмотря на восхождение позитивизма, они все наделяли свой предмет высоким эпистемологическим статусом, в некотором смысле отделявшим его от проблем и когнитивного опыта социальной практики. Отсюда следует постоянство в системе внутренних ценностей данных дисциплин, когда «абстрактные», «теоретические», «архаические» или «древние» темы исследований постоянно сохраняют свое преимущество в иерархии возможных предметов по отношению к «конкретным», «практическим» или современным темам. Влияние гуманитарной традиции в течение какого-то времени гарантировало дополнительную прибыль за чисто «гуманитарные» предметы как в прямом (тексты, иконография и т. д.), так и в косвенном смысле. Это преимущество не распространялось на внетекстовые способы объективации фактов: устные свидетельства, статистика, анкетное исследование, включенное наблюдение, полевой опыт. То, что классические дисциплины делали, посредством анализа предметов, освященных эзотерической традицией своей специальностью (философией), выбирая по преимуществу «сакральные» темы («классические» авторы, «священная» история, история «средневековья», «великие люди», древние языки), а также обращаясь почти исключительно к «устоявшимся» текстам (т. е. проверенным на подлинность, интерпретированным или откровенно «сконструированным» исторической работой ученых), дюркгеймианцы реализовывали с помощью своего научного способа конструирования исследуемых предметов, помещая последние на таком расстоянии по отношению к «вульгарным» и «ненаучным предметам», на каком классические дисциплины размещали свои.

Борьба за легитимный статус предмета исследования представляет собой одну из основных ставок всего предприятия по научной легитимации дисциплины или теоретического направления. Тематическая инновация внутри специальности тоже чаще всего принимает форму борьбы за исключительную легитимность нового предмета. Например, на рубеже веков подобное происходило с приходом университетской описательной географии, которая ввела понятие региона как необходимую основу географического анализа, или с социальной и экономической историей, перевернувшей историю политических и дипломатических событий. Для дюркгеймианцев эта ставка была решающей еще и потому, что им нужно было сражаться на два фронта. С одной стороны, требовалось отмежеваться от вульгарных социологов (и их «социальных проблем»: алкоголизм, бедность, проституция...). С другой, следовало доказать оригинальность своей проблематики по отношению к таким устоявшимся дисциплинам, как историография (особенно история религий и экономическая история) или социальная философия, а также второстепенным специальностям вроде фольклора или этнографии. Основные аспекты методологического демарша дюркгеймианцев заключались в отказе от обследований и преимущественном использовании опосредованного наблюдения (статистика, этнографическое описание, история за редким исключением (Эрц) и вопреки отдельным инициативам (Лапи*)), кросскультурных сравнений, инвестициях в классические

* Смотри статью Мохамеда Шеркауи (Mohamed Cherkaoui) [44] и письмо Лапи (Lapie) Бугле от 20.11.1896 [45, p. 36]. Здесь речь идет не о минимизации исследовательских усилий, которой поддались дюркгеймианцы, а о схватывании точной природы. Эмпиризм этого подхода, как он реализовался, например, при тщательном анализе демографических данных для исследования самоубийств, был совершенно поразительным. Тем не менее, это не было исследование «живых» респондентов. «Полюс» всегда оставалось пространством документов. Ни один дюркгеймианец не отказался от этого двойственного научного положения. Они скорее стремились обосновать его через представление о дисциплине, предполагающей определенное разделение труда между «практиками» (специалисты по сбору данных и наблюдению) и «теоретиками» (которые производят анализ и

философские темы (дуализм человеческой природы, функция сакрального, интерпретация категорий рассудка, теоретическая и практическая мораль, ответственность, отношение между науками, положение о социологии как психологии *sui generis* и т. д.). Эти базовые аспекты содержали стратегию, направленную на придание предмету социологии такого же эпистемологического «статуса», каким обладали предметы классических дисциплин. Задача была трудной, потому что социология посвящала себя исследованию современности, если не повседневности, коллективному опыту, укорененному в обычном и индивидуальном опыте. Иными словами, речь шла о не документированной или слабо документированной, не зафиксированной в текстах сфере реальности, изучение которой могло с трудом обойтись без новых способов объективации, «направленных на объект» (наблюдение, опрос). Эта трудность породила методологический компромисс в виде компаративизма, использующего одновременно данные истории и вторичного наблюдения, опирающегося на статистику и этнографические описания. Выступая заменой эксперимента, который черпал свою силу в авторитете «точных» наук*, компаративизм позволял получить каузальное объяснение, не отказываясь от «теоретической» установки в пользу «полевой» практики (на манер этнологии). Дело в том, что, будучи бесконечно более трудоемкой, эта полевая практика, в соответствии с ценностями, доминировавшими в университете, не смогла бы обеспечить равноценную символическую ренту. В начале своей карьеры, особенно до поворота, связанного с изучением религии как основного объекта, Дюркгейм резко выступал против веры вульгарным рассказам путешественников, предпочитая им более контролируемые или аутентичные наблюдения фактов, выражающихся в праве, институционализированных обычаях или нравах [7, p. 17 sq.]. Не было ли это сделано для того, чтобы обеспечить значение свидетельств и доказательств текущей социологической информации, по аналогии с тем, как это обычно признавалось за наиболее значительными архивными документами (дипломами, дипломатической корреспонденцией, документам о праве собственности)? Чтобы претендовать на максимальную научную легитимность, компаративизм должен был сам использовать «легитимные» материалы (которыми для историков выступали архивы, а для философов — тексты великих авторов), единственно способные дать основу для конструирования легитимных предметов.

Другое направление усилий по научной легитимации, более заметное, чем предыдущее, поскольку более формальное, относится к форме представления работ и особенно данных, которые в них использовались. Речь шла о том, чтобы, во-первых, утвердить надежность (т. е. эвристическую полезность) новых способов изложения (которые являлись и новыми способами анализа). Во-вторых, надлежало продемонстрировать относительную близость социологического подхода к ученым нравам и обычаям Новой Сорбонны (т. е. к легитимным научным практикам доминировавших тогда в истории, географии, психологии позитивистских научных школ). Эффективный социологический анализ этих практик потребовал бы специального исследования ансамбля новых практик, введенных поколением позитивистов. Мы можем лишь указать на наиболее заметные элементы.

Можно начать с принятой формы научных публикаций. Авторы, наиболее близкие к Дюркгейму (Мосс, Симиан, Юбер, Эрц), постоянно отдавали предпочтение исследовательским статьям (откуда форма «докладов» в «Ежегоднике»), причем настолько, что некоторые из них не выпустили при жизни ни одной книги. Сам Дюркгейм четыре из своих пяти книг опубликовал в начале карьеры, включая две диссертации: «Метод социологии», являющийся лишь сборником выпущенных отдельно статей; и

объяснение данных). Например, это задача, которую Мосс приписывает социологии в критической заметке о Крёбере: «Необходимы как социологи, так и этнологи: одни разъясняют, другие информируют» [11, p. 389].

* См. по этому поводу [7, p. 13–14; 46].

«Самоубийство», опубликованное им в возрасте 39 лет. В течение почти всей своей карьеры заведующего кафедрой (в Бордо и Париже) и фактического руководства «Ежегодником» (с 1897 по 1912 г.) он публиковал лишь статьи и занимался преподаванием. Возникает соблазн видеть в этом результат перегрузки обязанностями, но не менее оправданно рассматривать это как новую модель научного производства, которая была наиболее развита членами группы, свободными от университетских обязанностей (Мосс, Юбер, Симиан, Эрц). С этой точки зрения их можно противопоставить другим членам группы, преподававшим в лицах или университетах (Ришар, Хальбвакс, Бугле, Буржен, Пароди, Лапи, Дави). Их работы несли на себе более или менее заметные следы ограничений («наставничество», работа с диссертациями) и соблазнов (трансформировать учебные курсы в популярные книги) пройденного университетского пути.

Если Университет навязывал свои нормы и правила, то он же раздавал призы и повышал стоимость результатов. Публикация социологических работ в виде диссертаций или исследований, включенных в официальные документы университетов и школ («анналы» факультетов, «ежегодники» Высшей практической школы), или в серии философских книг бок о бок с продукцией классических дисциплин или университетской философии, могла лишь благоприятствовать выходу дисциплины из гетто и способствовать научному признанию. Специализированная исследовательская тема требовала больше от того, кто не получил этого признания (например, «Молитва» Мосса). Зато работа Хальбвакса («Рабочий класс и уровень жизни») могла получить революционное значение в поле университетского производства, где еще до последнего времени темы, не имевшие исторической дистанции или не сакрализованные, подвергались действию цензуры (например, современная история).

Воспитанные в большинстве своем в среде университетской элиты, дюркгеймианцы не испытывали никаких проблем с усвоением стиля письма, одновременно «классического» и склонного к абстракции, принятого на улице Ульм и в Сорбонне. Но они также внесли в свои области исследований научные методы, применявшиеся в традиционных дисциплинах. К ним относятся богатый критический и ссылочный аппарат, критика данных и структурирование текстов (часто тройное), т. е. множество явных признаков лучшей университетской продукции. Эти практики контрастировали с формальной небрежностью, которой часто отличались конкурирующие школы. Кроме того, они представляли собой способ подчеркнуть пользу эрудиции, доказывая, что относительно «неблагородные» данные, доставляемые этнографией, фольклором или обычным правом, могут подвергаться такому же типу научной обработки, что и сакральные тексты, античные авторы, документы великих цивилизаций, и приводить к сопоставимым по надежности результатам.

Вместе с тем, дюркгеймианцы ввели множество других инноваций. То, как их данные были обработаны, трансформированы в показатели и представлены, могло казаться лишь оригинальной реализацией технических правил, введенных в обращение позитивистской традицией. Однако, не являясь всего лишь техническим приспособлением для анализа количественной информации, массовая статистика, графики и иллюстративные таблицы (впервые использованные для работ по самоубийству) представляли собой новый способ наблюдения над фактами духовной жизни, «течениями» коллективной психологии, которые раньше полностью исключались из подобной объективации. Еще раз подчеркнем, что дюркгеймианцы оказались близки по духу своим коллегам из поколения позитивистов (географам, историкам, экспериментальным психологам Сорбонны). Именно эти позитивисты попытались перевести в объективные показатели феномены, ранее относившиеся лишь к области интроспекции, причем оказались в авангарде этого движения настолько, что сначала были не поняты или поняты неверно своими естественными

союзниками*, творцами Новой Сорбонны. Лучше, чем в декларациях о намерениях или верности, они материализовали общность своей судьбы и устремлений вместе с новым поколением, призванным господствовать в пространстве идей.

Верно ли это для всех остальных моментов стратегии дюркгеймианцев? На самом деле, заключение этого исследования заставляет интерпретировать основные действия, предпринятые Школой социологии, не как усилия, направленные на приспособление к требованиям, навязанным их институциональной и интеллектуальной средой, или на простое получение прибыли от преимуществ, которые она дает, а как «преодоление» этих ограничений в направлении собственного движения. Если натиск дюркгеймианцев быстро разбился о рифы структурной инерции социальной организации исследований и преподавания, то он все же пробил непоправимую брешь в старом университетском корпусе.

Перевод с французского Ю.В. Марковой

Литература

1. Bourdieu P., Castel R., Chamboredon J.-C. Un art moyen, essai sur les usages sociaux de la photographie. Paris: Minuit, 1965.
2. Karady V. Stratification intellectuelle, rapports sociaux et institutionnalisation: enquete historique sur la naissance de la discipline sociologique en France. Action thйmatique programmйe du C.N.R.S. Novembre 1974 (dactylographйй).
3. Weisz G. L'идйologie гйpublicaine et les sciences sociales. Les durkheimiens et la chaire d'histoire d'йconomie sociale a la Sorbonne // Revue franзаise de sociologie. 1979. Vol. XX. № 1 (janvier-mars).
4. Lukes S. Emile Durkheim, his life and work. London: A. Lane, 1973.
5. Karady V. Durkheim, les sciences sociales et l'Universitй // Revue franзаise de sociologie. 1976. Vol. XV. № 2 (avril—juin).
6. Дюркгейм Э. Курс социальной науки. Вступительная лекция // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.
7. Durkheim E. Introduction a la sociologie de la famille (1888) // Durkheim E. Textes 3. Paris: Minuit, 1975.
8. Lot F. Lettre au гйdacteur en chef de la Revue international de l'enseignement // Revue internationale de l'enseignement. 1899. № 1.
9. Worms R. Revue internationale de sociologie. 1895. III.
10. Durkheim E. Sociologie religieuse et thйorie de la connaissance (1909) // Durkheim E. Textes 1. Paris: Minuit, 1975.
11. Fauconnet P. et Mauss M. Sociologie (1901) / Mauss M. Ыuvres 3. Paris: Minuit, 1969.
12. Mauss M. Mentalitй primitive et participation // Mauss M. Ыuvres 2. Paris: Minuit, 1969.
13. Durkheim E. Remarque sur l'enseignement de la sociologie (1899) // Durkheim E. Textes 1. Paris: Minuit, 1975.

* Общее непонимание выражалось в критике со стороны таких фигур, как Шарль Андлер, Леон Бруншвиц и Люсьен Герр, которой встретил Университет первые работы Дюркгейма. Со временем цензура, уполномоченная «Французским действием», легко справилась с задачей сведения этой критики к идеологическим альянсам, установившимся между дрейфузарами. Подобное обвинение не принимает во внимание значительную эволюцию университетского научного поля под воздействием, кроме всего прочего, деятельности дюркгеймианцев, особенно в «Ежегоднике», этом исключительном инструменте гласности.

14. Durkheim E. La sociologie et l'enseignement du droit (1907) // Durkheim E. Textes 1. Paris: Minuit, 1975.
15. Durkheim E. L'enseignement philosophique et l'agrégation de philosophie (1895) // Durkheim E. Textes 3. Paris: Minuit, 1975.
16. Durkheim E. L'état actuel des études sociologiques en France (1895) // Durkheim E. Textes 1. Paris: Minuit, 1975.
17. Durkheim E. La sociologie (1915) // Durkheim E. Textes 1. Paris: Minuit, 1975.
18. Durkheim E. La sociologie et les sciences sociales, confrontation avec Tarde (1903) // Durkheim E. Textes 1. Paris: Minuit, 1975.
19. Durkheim E. Dĭbat sur l'ĭconomie politique et les sciences sociales (1908) // Durkheim E. Textes 1. Paris: Minuit, 1975.
20. Durkheim E. De la relation de la sociologie avec les sciences sociales et la philosophie // Durkheim E. Textes 1. Paris: Minuit, 1975.
21. Durkheim E. Dĭbat sur l'explication en histoire et en sociologie // Durkheim E. Textes 1. Paris: Minuit, 1975.
22. Mauss M. In memoriam. L'ĭuvre inĭdite de Durkheim et de ses collaborateurs (1925) // Mauss M. Ĭuvres 3. Paris: Minuit, 1969.
23. Karady V. Stratĭgies de carriĕre et hiĭrarchie des ĭtudes chez les universitaires littĕraires sous la IIIe Rĭpublique. Paris: Centre de sociologie europĕenne (dactylo.). 1972. Mars.
24. Rapport supplĕmentaire fait au nom de la Commission des finances — Chambre des dĕputĕs, Session de 1921, douziĕme lĕgislation, Annexe au procĕs-verbal de la 2^e sĕance du 22 avril 1921. Document n^o2549. P. 17–18.
25. Revue franzaise de sociologie. 1976. Vol. XVII. № 2 (avril-juin).
26. Carbonell Ch.-O. Histoire et historiens. Une mutation idĕologique des historiens franzaais, 1865–1885. Toulouse. Privat, 1976.
27. Terry N.C. Prophets and patrons, the French University and the emergence of the social sciences. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1973.
28. Boutroux E. La philosophie en France depuis 1867 // Congrĕs international de philosophie. 1908.
29. Durkheim E. Lettre au Directeur de la «Revue nĕo-scolastique» (1907) // Durkheim E. Textes 1. Paris: Minuit, 1975.
30. Durkheim E. Notes sur l'influence allemande dans la sociologie franzaise (1902) // Durkheim E. Textes 1. Paris: Minuit, 1975.
31. Durkheim E. Controverse sur l'influence allemande et la thĕorie morale (1913) // Durkheim E. Textes 1. Paris: Minuit, 1975.
32. Maire G. «L'expĕrience morale» d'un juif, Frĕdĕric Rauh // Revue critique des idĕes et des lettres. 1912. № 2.
33. Maire G. Emile Boutroux, l'avortement d'une philosophie // Revue critique des idĕes et des lettres. 1912. № 2.
34. Maire G. De l'esprit universitaire. Notes et rĕflexions // Revue critique des idĕes et des lettres. 1912. № 2.
35. Durkheim E. Lettre a Xavier Leon du 26-1-1916 // Durkheim E. Textes 2. Paris: Minuit, 1975.
36. Lasserre P. La doctrine officielle de l'Universitĕ. Paris. 1907.
37. Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.

38. Durkheim E. La sociologie et son domaine scientifique // Durkheim E. Textes 1. Paris: Minuit, 1975.
39. Besnard P. La formation de l'équipe de l'Année sociologique // Revue française de sociologie. 1979. Vol. XX. № 1 (janvier-mars).
40. Дюркгейм Э. Предисловие // Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. с сокр.; Под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994.
41. Durkheim E. De la définition des phénomènes religieux (1899) // Journal sociologique. Paris: Presses universitaires de France, 1969.
42. Mauss M. La prière (1909), livre 1. // Mauss M. Œuvres 1. Paris: Minuit, 1969.
43. Durkheim E. Définition du fait moral (1893) // Durkheim E. Textes 2. Paris: Minuit, 1975.
44. Cherkaoui M. // Revue française de sociologie. 1979. Vol. XX. № 1 (janvier-mars).
45. Correspondance reçue par Cйlestin Bouglй // Revue française de sociologie. 1979. Vol. XX. № 1. (janvier-mars).
46. Хальбвакс М. Статистический эксперимент и вероятность // Социальные классы и морфология / Пер. с фр. А.Т. Бикбова, Н.А. Шматко; отв. ред., послесл. А.Т. Бикбов; составл., биограф. очерк В. Каради. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2000.